

Таисия Логовская

Невеста
— хранителя —
Чёрных Врат

18+

Таисия Логовская

Невеста хранителя Чёрных врат

«Автор»

2026

Логовская Т.

Невеста хранителя Чёрных врат / Т. Логовская — «Автор», 2026

Каждые десять лет Лиорн отдаёт Чёрным вратам невесту. Город празднует почётный брак, а через год получает закрытый гроб. Когда судебная лекарка Иара Вейр приезжает освидетельствовать новую избранницу, на ритуальном столе оказывается её младшая сестра. До полуночи имя ещё можно изменить — и Иара вписывает в брачный реестр собственное. У неё двадцать один день до церемонии. Хранитель Рейнар Торн открывает ей страшную правду: прежние невесты не умерли. Врата превратили их тела в живые замки. Чтобы не стать следующей, Иара должна доказать подлог в городском праве, найти скрытую систему Чёрных врат и разрушить порядок, на котором держится безопасность Лиорна. Но чем ближе она подбирается к истине, тем труднее понять, что опаснее — сами Врата или люди, научившиеся ими пользоваться.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Невеста хранителя Чёрных врат

Глава 1

Серебряная соль темнеет на воздухе за шесть минут. Если в растворе есть след ритуального распада, она дает лиловый осадок еще до того, как стекло успеет нагреться от пальцев.

Я держала пробирку над спиртовой горелкой, глядя, как мутная жидкость у дна расслаивается на прозрачную щелочь и серые хлопья. В прозекторской Палаты причин смерти пахло сушеной полынью, карболкой и застоявшимся холодом сырого гранита. Единственное окно под самым потолком выходило во внутренний двор магистрата: оттуда доносился монотонный перестук копыт почтовых фургонов и глухие окрики караульных.

Обычный полдень двадцать первого дня до зимнего солнцеворота. В журнале входящих освидетельствований за утро числились три записи: утопленник из доков с признаками масляного ожога, оборвавшийся с лесов каменщик и служанка из верхнего квартала, выпившая уксусной эссенции. Понятная, привычная человеческая смертность, укладывавшаяся в параграфы судебного уложения.

Тяжелый латунный колокольчик над входной дверью не звякнул — ударил коротко и сухо, оборвав тишину прозекторской.

На пороге стоял вестовой Совета Врат. Черная форменная шинель из плотного сукна, осыпанная крупой первого колючего снега, кожаный планшет через плечо и медная бляха дежурного дознавателя на груди. Он не стал вытирать сапоги о просмоленный коврик и шагнул прямо к моему рабочему столу.

— Старшая лекарка Иара Вейр?

— Заместитель председателя Палаты причин смерти, — поправила я, аккуратно опуская горячую пробирку в деревянный штатив. — Если вы по поводу вчерашнего котельного взрыва на Чёрной мануфактуре, акт вскрытия еще не переписан начисто. Писарь заканчивает снимать копии.

— Я не с мануфактуры, — вестовой расстегнул клапан планшета, достал узкий плотный конверт из серой хлопковой бумаги и положил его на край стола, рядом с коробкой костяных скальпелей.

На конверте не было почтовых марок. Лишь тяжелая круглая печать из черного сургуча с оттиском сомкнутых створок. Печать Реестра Чёрных врат.

Воздух в комнате словно стал гуще. Запах карболки мгновенно отступил, вытесненный тонким, едва различимым ароматом остывшего базальта и горелого кремня — так пахли официальные депеши из Западной крепости.

— Предписание главного регистратора, — отчеканил курьер. — Внеочередное судебно-медицинское освидетельствование избранницы десятого цикла. Доставка в изолятор Дома Реестра немедленно. Срок действия допуска истекает в полночь.

Я не прикоснулась к конверту. Взгляд скользнул по черному сургучу, отмечая четкие грани оттиска:

— Выбором невесты занимается Храмовая коллегия. Медицинское освидетельствование всегда проводили лекари капитула. Судебная палата привлекается лишь в случае насильственной смерти или подозрения на подлог жеребьевки.

— Капитул отстранен особым распоряжением канцлера Кадора три часа назад, — в голосе вестового не прозвучало ни раздражения, ни сомнения, лишь тупая уверенность служащего, привыкшего передавать чужие приговоры. — На теле кандидатки обнаружена атипичная реакция тканей. Регистратор требует независимого заключения до передачи в крепость. Распишитесь в получении предписания.

Он протянул мне квитанционную книгу и тонкое гусиное перо. Чернила в медной чернильнице были казенными, пахнущими железным купоросом.

Я вывела свою фамилию на узкой полоске пергамента, чувствуя, как под кожей пальцев начинает нарастать глухое, неприятное покалывание.

Каждые десять лет Лиорн отдавал Чёрным вратам девушку. Город праздновал великую защиту, купцы верхних гильдий выставляли на площадях бочки со смолистым вином, а храмовые хоры пели о благословении нерушимого брака, скрепляющего покой провинции. Но в архивах нашей палаты, куда не пускали газетчиков, лежали другие бумаги. Сухие учетные карточки за последние полвека. Пять закрытых гробов, прибывших из крепости строго через год после свадебного шествия. Ни одного открытого вскрытия. Ни одного допуска родственников к телу. Официальная формулировка в каждом свидетельстве повторялась слово в слово: «Сердечное истощение вследствие выполнения ритуального долга».

Все в Лиорне знали цену этому браку. И все предпочитали делать вид, что закрытый цинковый ящик раз в десять лет — незначительная дань за то, чтобы разлом под западным утесом продолжал спать.

Я закрыла горелку латунным колпачком, сняла рабочий фартук из вошеного полотна и достала из шкафа дорожный лекарский саквояж. Флаконы со спиртом, камфорой и серебряной солью, хирургические иглы, шелковая дратва, ланцет из закаленной стали и чистые льняные салфетки.

— Экипаж ждет у входа, — бросил вестовой, придерживая тяжелую дубовую дверь.

— Я доберусь пешком, — ответила я, защелкивая медные замки саквояжа и натягивая кожаные перчатки. — От Палаты до площади Реестра четыре квартала. Пешком быстрее, чем на ваших неповоротных фургонах по занесенным переулкам.

Он окинул меня коротким, оценивающим взглядом, кивнул и вышел, оставив после себя на каменном полу грязные лужицы талого снега.

На улице стояла ранняя северная мгла. Серые доходные дома Нижнего города жались друг к другу, выпуская из кривых кирпичных труб сизые струи торфяного дыма. Воздух здесь всегда был тяжелым, насыщенным осадком с Чёрной мануфактуры, но сегодня к нему примешивался слабый звон колоколов с ратушной башни. Город уже знал. Слух о том, что жребий десятого года выпал, расползлся по рынкам и чайным лавкам быстрее служебных ведомостей. Люди на тротуарах спешили, пряча лица в воротники, и старались не смотреть в сторону Верхнего утеса, где над черными зубцами крепостных стен курился едва заметный белесый пар разлома.

Дом Реестра высился на стыке двух районов — монументальное приземистое здание из темного песчаника, построенное еще во времена первых наместников. Широкие ступени были посыпаны крупным речным песком. У кованых решеток ворот переминались с ноги на ногу шестеро стражников гарнизона в нагрудниках из полированного железа, с короткими алебардами наперевес.

Меня пропустили без задержки: печать Совета на конверте действовала надежнее любого магистратского ордера.

Внутри пахло старыми фолиантами, овечьим клеем и гарью сотен восковых свечей. Регистратор Бранд ждал меня в изолированном крыле цокольного яруса — там, где толщина стен достигала трех локтей, а узкие смотровые окна были затянуты мелкой бронзовой сеткой от уличного шума.

Это был невысокий, одутловатый мужчина лет пятидесяти с жидкими зачесанными назад волосами и цепкими, воспаленными от бессонницы глазами. На его черном сюртуке висела серебряная цепь с ключом от Главной книги брачных записей.

— Вы долго, лекарка Вейр, — проскрипел он, не подавая руки и указывая кончиком сухого пальца на массивную дубовую дверь с задвижкой из черного железа. — До полуночи

осталось меньше десяти часов. Хранитель уже прислал конвой за городские ворота. Если мы сорвем график передачи, канцлер потребует объяснений с нас обоих.

— Чтобы составить экспертное заключение, мне нужны факты, а не спешка, господин Бранд, — я остановилась у порога, расстегивая пуговицы дорожного пальто. — Почему в предписании не указано имя избранницы? По закону о судебно-медицинской тайне...

— По закону о Чёрных вратах имя невесты принадлежит Совету с момента падения жребия, — отрезал регистратор, и в его голосе проступила жесткая, въедливая нота чиновника, знающего свои инструкции наизусть. — До полуночного закрепления записи действует режим ритуальной изоляции. Никаких имен в протоколах. Только номер жетона: сорок семь, шестой округ, ремесленный цех землемеров. Девушку сняли с утренней смены. Войдите, проведите стандартный соматический осмотр, подтвердите отсутствие заразных язв и подпишите свидетельство пригодности к переносу метки. Больше от вашей палаты ничего не требуется.

«Шестой округ. Ремесленный цех землемеров».

Слова прозвучали глухо, но внутри груди что-то оборвалось — сухо, резко, с тем физическим звуком, с каким лопается перетянутая скрипичная струна. Пульс на сонной артерии подскочил до ста ударов. Я заставила себя сделать медленный вдох через нос, впуская в легкие холодный, пахнущий сыростью воздух коридора.

Шестой округ. Землемерный цех картографической палаты. Место, куда три месяца назад после долгих прошений и экзаменов приняли младшую помощницу.

— Откройте дверь, — произнесла я. Голос остался ровным. Тот самый голос, которым я зачитывала протоколы вскрытия перед коллегией судей.

Бранд повернул ключ в замочной скважине. Засов отошел с тяжелым, влажным лязгом.

Я переступила порог и притворила за собой створку, отрезая регистратора и стражу.

Комната была голой и холодной. Из обстановки — лишь узкий деревянный топчан, застеленный суровым серым одеялом, глиняный рукомойник на железной треноге и одна коптящая масляная лампа на каменном выступе стены.

На краю топчана, сжавшись в комок и подобрав под себя ноги в грубых шерстяных чулках, сидела девушка. Ее плечи мелко, судорожно вздрагивали. Темно-каштановые волосы, обычно заплетенные в тугую рабочую косу, растрепались и падали на лицо. Рукава казенной полотняной рубахи были закатаны до локтей.

— Селия, — выдохнула я.

Девушка вскинула голову.

Лицо сестры было бледным, почти прозрачным в неверном свете коптилки, с темными, провалившимися кругами под глазами. На нижней губе запеклась капля крови — она кусала губы, чтобы не кричать.

— Иара?.. — ее голос сорвался на хриплый, удушливый шепот. — Ты... как ты здесь?.. Они сказали, придет городской врач. Сказали, нужно просто подписать бумагу...

Я опустила саквояж на пол, шагнула к топчану и опустилась перед ней на колени прямо на холодные каменные плиты. Мои пальцы легли на ее запястья. Кожа была ледяной, влажной от испарины, пульс частил, сбиваясь на аритмичные толчки — сто двадцать пять в минуту, поверхностный, нитевидный.

— Тихо, — приказала я, не давая панике прорваться наружу. — Дыши носом. Глубоко. На четыре счета. Я здесь. Смотри на меня.

— Они пришли прямо в архив, — забормотала Селия, и по ее щекам покатались крупные, злые слезы. — Господин Клен велел сдать планшет с картами нижних коллекторов. Сказал, что выпал шестьдесят четвертый номер, а потом пришел жрец с медной чашей... Иара, они заставили меня опустить руку в воду! Там было черное стекло! Оно укололо...

— Покажи руку.

Селия медленно, словно преодолевая физическое сопротивление собственных связок, развернула правое предплечье ладонью вверх.

Я замерла.

На внутренней стороне предплечья, от локтевого сгиба к основанию большого пальца, проступал след. Но это не было воспалением, гематомой или химическим ожогом от щелочи.

Прямо под тонкой, почти прозрачной кожей вились тончайшие угольно-черные линии. Они не повторяли русло кровеносных сосудов. Они шли строго вдоль срединного и лучевого нервов, оплетая сухожилия глубоких сгибателей пальцев, и ветвились сложным, геометрически выверенным узором, напоминающим застывшие кристаллы мороза на стекле. Линии пульсировали. Слабо, едва заметно, но этот ритм не совпадал с ударами ее сердца — он был медленнее, тяжелее, глубже.

Я коснулась пальцем края рисунка. Кожа под моими подушечками оказалась неестественно твердой, упругой, словно под эпидермисом залегала тонкая сетка из гибкой стальной проволоки. Селия тихо вскрикнула и дернула рукой:

— Больно... Словно иголки забивают под ногти. И холод. Он поднимается к плечу.

Я открыла саквояж, достала флакон с серебряной солью и тонкую стеклянную палочку. Смочила кончик в растворе и осторожно прикоснулась к черной линии у запястья сестры.

Серебро должно было остаться чистым. Если это естественная пигментация или обычный яд органического происхождения, соль не реагирует.

Но в ту же секунду капля на коже зашипела. По прозрачной жидкости побежали крошечные пузырьки, и она мгновенно, за треть секунды, окрасилась в маслянисто-черный цвет, втягиваясь обратно в поры.

Это не было «благословением Врат». Это была паразитическая ритуальная трансформация — агрессивное прорастание внешней неорганической структуры в нервную ткань живого человека.

— Так, — я убрала палочку, вытерла пальцы салфеткой и поднялась на ноги. Мысли выстроились в четкую, холодную цепочку формулировок. — Это острая патологическая реакция. Врата не приняли структуру ткани. Возникло отторжение с признаками глубокого некроза периферических нервных узлов. Я зафиксирую это в протоколе. Напишу заключение о соматической непригодности кандидатки к несению ритуальной нагрузки. По уложению магистрата Совет обязан аннулировать жеребьевку и назначить повторный отбор через месяц.

Я потянулась к папке с бланками, но Селия вдруг выбросила вперед здоровую левую руку и с неожиданной, отчаянной силой вцепилась в мой рукав.

— Не смей, Иара!

Я повернулась к ней, нахмурившись:

— Отпусти ткань, Селия. У нас мало времени. До полуночи...

— Они не станут проводить повторный отбор! — крикнула она, и ее бледное лицо искажилось судорогой взрослой, страшной ярости. — Ты думаешь, ты самая умная со своими законами и ланцетами? Ты думаешь, Совет испугается твоей судебной бумажки? Регистратор Бранд перед твоим приходом говорил со жрецом за дверью. Я слышала каждое слово через вентиляционную отдушину!

Я замерла, глядя на сестру:

— Что он сказал?

— Жрец сказал, что если городская лекарка напишет отказ, они признают это умышленным саботажем закона о безопасности города, — Селия задыхалась, слова вылетали из ее пересохшего рта сдавленными толчками. — Тебя лишат лицензии и отправят в карцер крепости до утра. А меня... меня просто погрузят в закрытую повозку и увезут Хранителю без заключения! Жрец сказал: «Камню все равно, дышит ли сосуд самостоятельно, пока метка держит контур». Они заберут меня в любом случае, Иара! Но если ты полезешь на рожон, они уничтожат и тебя!

— Я не позволю им забрать тебя, — мой голос прозвучал жестко, как удар клинка о колодку. — Ты не знаешь, что происходит в той крепости. Ты чертишь схемы водопроводов, а я за семь лет работы трижды поднимала из архива акты приема закрытых гробов таких же невест. Их кости внутри крошатся в пыль. Ткани распадаются при жизни. Ты не проживешь там и полугода, Селия. Твое сердце не выдержит даже первого узла трансформации.

— А твое выдержит?! — выкрикнула она, поднимаясь с топчана и вставая вплотную ко мне. Она была на полголовы ниже меня, тонкая, с узкими девичьими плечами, но сейчас в ее темных глазах горело то же упрямое, негнущееся бешенство, которое я каждое утро видела в собственном зеркале. — Ты всегда так делаешь! всю жизнь! Когда отец погиб на карьерах, ты бросила университетский курс и пошла в морг помощником прозектора, потому что там платили двойное довольствие! Когда у меня была тифозная горячка, ты не спала три недели и продала материнские серебряные кольца! Ты решаешь за меня, словно моя жизнь — это твоя собственность! Словно я пустое место, не способное сделать шаг без твоего надзора!

— Потому что ты моя сестра!

— И поэтому ты имеешь право сунуть голову в петлю вместо меня?! — ее пальцы впились в мои плечи, ногти прорвали сукно платья. — Я не просила тебя об этой жертве, Иара! Слышишь? Не просила! Жребий выпал мне. Это моя судьба, моя ошибка, что я не ушла из цеха вовремя. Оставь меня. Напиши свое проклятое свидетельство, поставь штамп и уходи обратно в свою лабораторию! Я сама справлюсь!

— Ты не справишься, — тихо, ледяным тоном произнесла я, перехватывая ее запястья и плавно, неумолимо разжимая ее пальцы. — Ты умрешь через сто дней в каменном подвале, захлебываясь собственной кровью. А я не умею хоронить людей, которых могла спасти. Это профессиональная деформация, Селия. Смирись с ней.

Я оттолкнула ее руки, повернулась к саквою и достала из потайного отделения узкую полоску плотной гербовой бумаги с золотым тиснением магистрата.

Древний свод городских законов Лиорна, параграф девяносто третий, статья о семейной субституции ритуальных повинностей. Закон, принятый двести лет назад после чумного бунта и ни разу не отмененный городским советом. Дворянские семьи использовали его, чтобы подменять своих дочерей безродными воспитанницами. Но буква закона не делала различий между сословиями. Она гласила предельно ясно: дееспособный кровный родственник первой линии имеет право добровольного замещения лица, избранного Вратами, при условии личной кровной регистрации в Главном реестре до наступления полуночи дня отбора.

Селия увидела герб на бумаге. Ее глаза расширились от дикого, немого ужаса:

— Нет... Иара, нет! Ты не посмеешь!

Она бросилась наперерез, пытаясь вырвать лист из моих рук, но я перехватила ее поперек талии, развернула и жестко толкнула обратно на топчан. Селия ударилась плечом о стену, вскрикнула и попыталась подняться, но я уже шагнула к двери и с силой ударила кулаком в дубовую доску.

— Регистратор Бранд! Отоприте!

Засов снаружи лязгнул мгновенно. Створка распахнулась, впуская в комнату полосу желтого света из коридора. Бранд стоял на пороге с чернильницей в руках, за его спиной маячили двое стражников с взведенными самострелами.

— Ну что там? — раздраженно осведомился он, заглядывая через мое плечо на плачущую на топчане Селию. — Заключение готово? Время не ждет.

— Кандидатка номер сорок семь признана физически непригодной к несению ритуального узла, — громко, четко, так, чтобы каждое слово разнеслось по каменному своду цоколя, произнесла я. — Фиксирую прогрессирующий спазм нервных стволов и угрозу неконтролируемого разрыва при передаче.

Бранд побагровел, его толстые щеки мелко затряслись:

— Вы в своем уме, лекарка?! Я предупреждал вас! Никаких отказов! Храмовый капитул...

— Дослушайте протокол, регистратор, — перебила я, делая шаг вперед и прижимая его спиной к противоположной стене коридора. — На основании параграфа девяносто третьего Городского статута я, Иара Вейр, старшая лекарка Палаты причин смерти, заявляю право прямой семейной субституции. Я заменяю кандидатку номер сорок семь собой.

В коридоре повисла мертвая, оцепенелая тишина.

Стражники за спиной Бранда опустили оружие, растерянно переглядываясь. Сам регистратор замер с открытым ртом, глядя на меня так, словно у меня на лбу только что выросли рога горного василиска.

— Субституция?.. — выдавил он, заикаясь. — Но этот закон... им не пользовались полвека! Вы служащая магистрата! Вы должностное лицо!

— Статут не содержит ограничений по служебному статусу для совершеннолетних граждан, — я достала из кармана серебряный ланцет, держа его двумя пальцами, как перо. — Принесите Главную книгу, господин Бранд. Прямо сюда. На служебный стол. Если вы откажетесь внести запись сейчас, в присутствии караула, через двадцать минут я отправлю судебного курьера к председателю магистрата с обвинением в нарушении фундаментальных прав граждан Лиорна. И тогда этот ритуал будет сорван до судебного разбирательства. Вы хотите объяснить канцлеру, почему Врата остались без замка в назначенную ночь?

Бранд судорожно сглотнул. Желваки на его челюстях заходили ходуном. Он был бюрократом до мозга костей, а бюрократы больше всего на свете боятся нарушить прямую инструкцию, за которой стоит угроза трибунала.

— Принесите Реестр, — глухо бросил он старшему стражнику.

Солдат сорвался с места, гремя коваными сапогами по ступеням.

Из глубины камеры донесся надрывный, захлебывающийся плач Селии:

— Иара... умоляю тебя... не делай этого! Открой дверь! Пустите меня к ней!

Я не обернулась. Я стояла посреди коридора, чувствуя, как холод каменных плит пробивается сквозь подошвы сапог, поднимаясь к коленям. Внутри не было страха. Была лишь та абсолютная, кристальная ясность, которая наступает во время сложнейших полостных операций, когда от одного неверного надреза зависит, выльется ли кровь в брюшину или пациент доживет до утра.

Через три минуты стражник вернулся, неся тяжелый, обитый потемневшей медью фолиант.

Книгу положили на низкую деревянную конторку дежурного офицера. Бранд дрожащими пальцами растегнул массивные латунные замки и перелистнул несколько страниц из толстого пергамента.

Вот она. Запись десятого цикла.

Номер сорок семь. Имя Селии Вейр было вписано казенными орешковыми чернилами в третьей графе. Рядом темнело свободное поле для финального заверения.

— По закону субституции, — деревянным голосом зачитал Бранд, доставая из кармана маленькую черную коробочку, — прежнее имя не вычеркивается. Новое имя вносится поверх кровью заявителя. После полуночи запись станет окончательной. Обратного хода нет, лекарка. Ни один суд в мире, ни один указ правителя не сможет отменить эту подпись. Вы понимаете, что делаете?

— Откройте чернильницу, господин Бранд, — ответила я.

Я поднесла ланцет к мякоти большого пальца левой руки и без колебаний сделала короткий, глубокий надрез.

Кровь выступила мгновенно — густая, темно-алая, горячая.

Я опустила палец на пергамент Главной книги, прямо поверх чернильных букв имени сестры, и вывела четкую, неровную, пахнущую медью подпись:

«Иара Вейр. Принято добровольно».

Мир вокруг меня не взорвался громом. Но в ту же секунду, когда последняя капля моей крови впиталась в волокна пергамента, в глубине здания — где-то далеко внизу, под пластами векового камня и фундаментами цитадели — что-то глухо, протяжно дрогнуло.

Звук прокатился по костям голеней, поднялся к груди и осел в горле привкусом золы. Врата услышали имя.

Боль ударила в левую руку так, словно в вену плеснули расплавленного свинца. Я покачнулась, вцепившись пальцами в край дубовой конторки, чтобы не упасть. Прямо на глазах, пробиваясь сквозь белизну кожи, от пореза на пальце к ладони и дальше, к запястью, побежали тонкие, аспидно-черные ветви ритуальной метки. Они вгрызались в нервные узлы, оплетали сухожилия, пульсируя тем самым чужим, нечеловеческим ритмом, который я пять минут назад видела на руке сестры.

Из камеры послышался вскрик Селии:

— Она... она пропала! Иара, она ушла с моей руки!

Я сжала зубы так, что хрустнула челюсть, не позволяя ни единому стону вырваться наружу. Онемение расползлось по предплечью, пальцы левой руки перестали слушаться, сделавшись тяжелыми и чужими, но правая рука оставалась твердой.

Бранд смотрел на мою руку с суеверным ужасом. Затем он торопливо, словно боясь обжечься, открыл черную коробочку.

Внутри лежала круглая пластина из черного стекла размером с ладонь, гладкая, маслянисто поблескивающая в свете лампы.

— Свидетельный оттиск, — пробормотал регистратор, избегая встречаться со мной взглядом. — Требование ритуального протокола. Для удостоверения личности в архиве Совета.

Он взял пластину щипцами и с силой прижал ее к свежей кровавой подписи на пергаменте.

Стекло глухо звякнуло. На мгновение его темная глубина озарилась изнутри тусклым, багровым импульсом — словно крошечная искра пробежала по невидимым внутренним жилам артефакта, впитывая частицу моей крови и отпечаток моей жизненной силы. Бранд тут же оторвал пластину, уложил ее обратно в футляр и захлопнул крышку.

Я знала этот регламент. Обычная процедура фиксации кровного знака, чтобы исключить подмену тел при передаче. Чего я не знала тогда — это того, что в руках умелого ритуалиста эта стеклянная пластина хранит не просто след, а спящий импульс, способный запустить механизм связи на расстоянии.

— Запись закреплена, — Бранд захлопнул Главную книгу и защелкнул латунные замки. Его голос звучал сухо и официально, но руки продолжали мелко дрожать. — Гражданка Селия Вейр свободна от ритуальных обязательств. Гражданка Иара Вейр признана нареченной невестой Хранителя Чёрных врат. Срок до церемонии венчания — двадцать один день.

— Выпустите мою сестру, — произнесла я, зажимая кровоточащий палец платком. — Немедленно.

Стражник торопливо отпер дверь камеры.

Селия выскочила в коридор. На ее правом предплечье не осталось ни следа — чистая, розовая девичья кожа, лишь легкое покраснение в месте контакта с серебром. Она бросилась ко мне, захлебываясь слезами, вцепилась в мои плечи:

— Иара... зачем... боже мой, что ты наделала...

— Молчи, — я обняла ее правой рукой, прижимая ее голову к своей груди. Левая рука висела вдоль тела мертвым, немеющим грузом. — Слушай меня внимательно, Селия. У тебя

ровно десять минут, чтобы собрать вещи в землемерном цехе. Забирай свои карты, планшеты, личные записи. Иди прямо в Палату причин смерти. Найди старшего лекаря Морриса. Скажи, что я приказала выделить тебе служебную комнату при архиве. Не выходи на улицу одна. Не говори с людьми Совета. Ты поняла меня?

— Я не оставляю тебя! — рыдала она, сжимая мое пальто. — Я пойду в магистрат, я расскажу судьям...

— Магистрат бессилен против Главной книги, — отрезала я, мягко, но неумолимо отстраняя ее от себя. — Если ты хочешь мне помочь — живи. И держи карты в порядке. Они могут нам понадобиться. А теперь — иди.

Я кивнула стражнику. Тот неловко, почти сочувственно тронул Селию за локоть, увлекая ее к выходу из цоколя. Она оглядывалась каждую секунду, ее лицо было мокрым от слез, губы беззвучно шептали мое имя, пока поворот коридора не скрыл ее из виду.

Я осталась одна перед регистратором.

— Экипаж из крепости прибыл, — Бранд показал на лестницу, ведущую к парадному выходу. — Хранитель не любит ждать.

Я взяла с конторки свой лекарский саквояж. Пальцы левой руки с трудом сомкнулись на кожаной ручке — подушечки почти потеряли чувствительность, словно я отморозила их на лютном ветру. Но я шла прямо, поднимаясь по каменным ступеням с высоко поднятой головой, не позволяя ни единой мышце на лице выдать ту пульсирующую, ядовитую боль, которая с каждым ударом сердца вгрызалась все глубже в мое предплечье.

На широкой площади перед Домом Реестра кружила метель.

Снежные заряды хлестали по темным фасадам домов, гася редкие газовые рожки фонарей. Прямо у подножия парадной лестницы стоял тяжелый закрытый экипаж, обитый черным железом, запряженный четверкой вороных коней в глухой кожаной сбруе. От их мокрых боков валил густой пар.

Рядом с подножкой экипажа, заложив руки за спину, стоял человек.

Высокий. Широкоплечий. В тяжелом черном дорожном плаще с серебряными застежками у горла, без знаков различия, без гербов. Его темно-каштановые волосы были коротко острижены, на суровом, обветренном лице с резкими, словно вырубленными из камня скулами не отражалось ни единой эмоции. На вид ему было около тридцати пяти, хотя любой житель Лиорна знал: Рейнар Торн принял должность Хранителя двадцать два года назад, в день, когда разорвало его предшественника. Связь с разломом консервировала тело, не давая ему стареть с обычной человеческой скоростью.

Когда мои сапоги коснулись нижней ступени, он повернул голову.

Его глаза были странного, пепельно-серого оттенка — цвета остывших углей. Взгляд скользнул по моему лицу, по лекарскому саквояжу в руке и безошибочно опустился на мое левое запястье, скрытое рукавом пальто.

В ту же секунду метка под моей кожей отозвалась яростной, ослепляющей вспышкой боли. Рисунок запульсировал, вытягиваясь навстречу стоявшему передо мной мужчине, признавая его присутствие, признавая власть той силы, которой он служил.

Рейнар Торн не спросил, почему в карету выходит старшая лекарка судебной палаты вместо юной чертежницы. Он не спросил, зачем я переписала реестр. Он знал законы своего города не хуже меня.

Хранитель шагнул вперед, распахивая тяжелую железную дверцу экипажа.

Его голос прозвучал низко, ровно, без тени насмешки или фальшивого сочувствия:

— Идти сама сможешь, лекарка Вейр?

Я сжала саквояж немеющими пальцами, шагнула на металлическую подножку и посмотрела ему прямо в глаза:

— Смогу, Хранитель.

Дверца захлопнулась с глухим стуком тюремного засова, отрезая Лиорн, сестру и мою прежнюю жизнь. Кони рванули с места, и тяжелый экипаж покатиł сквозь метель — наверх, к черным зубцам цитадели, где для меня уже начался обратный отсчет двадцати одного дня.

Глава 2

Колеса тяжелого экипажа глухо считали замерзшие выбоины тракта, поднимавшегося серпантином к Верхнему утесу.

Внутри пахло стылой овчиной, оружейным воском и тем особым, сухим холодом, какой бывает в погребках, высеченных в цельном граните. Окна кареты были закрыты глухими железными ставнями, сквозь щели которых внутрь пробивался лишь свист метели да редкие, неверные отблески уличных газовых рожков.

Рейнар Торн сидел напротив.

Он не снял мокрого плаща. В темноте кареты его фигура казалась монолитной, высеченной заодно с обшивкой: колени почти касались моих, но он держал эту случайную дистанцию с точностью часового механизма — ни движения вперед, ни попытки опереться на перегородку, когда экипаж кренило на поворотах. Его руки в плотных кожаных перчатках лежали на колених ладонями вниз. Лицо тонуло в глубокой тени капюшона, лишь на резких скулах изредка вспыхивали мутные отсветы фонарей.

Моя левая рука горела.

Боль не была поверхностной. Она не походила на порез бритвой или термический ожог, когда кожа пузырится и требует холодной примочки. Это была глубокая, тупая, судорожная боль в надкостнице, поднимавшаяся от мякоти большого пальца к лучезапястному суставу. Черные ветви метки, запечатанные моей кровью час назад, пульсировали под рукавом пальто. Каждый толчок этой пульсации странно, почти физически резонировал с присутствием сидевшего напротив мужчины. Когда экипаж дергало и расстояние между нами сокращалось на пару дюймов, под кожей словно проворачивали тупую иглу.

Я положила здоровую правую ладонь поверх онемевшего левого предплечья, вдавливая пальцы в плотное сукно, пережимая лучевую артерию.

— Это бесполезно, — произнес Рейнар.

Голос прозвучал низко, ровно, без попытки сгладить углы.

— Что именно, Хранитель?

— Пережимать сосуд. Метка не разносится током крови. Она не яд и не трупная щелочь. Она идет по оболочкам нервных стволов, ища ближайший силовой узел. Чем сильнее вы давите на ткань, тем глубже она вгрызается, компенсируя сопротивление.

Я медленно убрала пальцы. Кисть левой руки висела на перевязи чужой, отмороженной колодкой — подушечки пальцев окончательно утратили тактильную чувствительность.

— Благодарю за соматическую консультацию, — мой голос оставался сухим и ровным, каким я привыкла отвечать прозекторам на утренних пятиминутках. — В Палате причин смерти нас учили, что любая реакция ткани поддается либо купированию, либо рассечению.

В темноте послышался короткий, едва уловимый звук — не смешок, скорее сухой выдох:

— Рассечению. Если вы отсечете кисть до полуночи, лекарка Вейр, Врата не потеряют ваше имя. Они просто перенесут точку входа на культю, выжгут плечевое сплетение и доберутся до шейных узлов за четверо суток вместо двадцати одного дня. Вы умрете от паралича диафрагмы в луже собственной сукровицы, а ритуальный контур города останется незамкнутым. Не советую проверять этот анатомический тезис ланцетом.

— Откуда такие подробности? — я подняла подбородок, вглядываясь в серые, немигающие глаза под капюшоном. — В официальных протоколах капитула за пятьдесят лет нет ни слова о параличе диафрагмы. В графе причин смерти неизменно значится «сердечное угасание в покое».

Экипаж тяжело накренился, взвизгнули кованые тормозные колодки. Кони заржали, копыта зацокали по гладким гранитным плитам подъемного моста.

— Капитул пишет то, за что ему платит городская казна, — ответил Рейнар, и в его тоне не прозвучало ни цинизма, ни оправдания. Лишь констатация тяжелого, привычного факта. — Мы на месте.

Карета замерла.

Снаружи лязгнули железные цепи, раздался протяжный скрип открывающихся створных ворот и отрывистые команды гарнизонного караула. Железная дверца распахнулась снаружи. Внутри ворвался ледяной шквал, пахнувший колючим снегом, серным чадом топок и глубоким, ни на что не похожим запахом остывшего базальта — запахом бездны.

Рейнар вышел первым. Он не подал мне руки, словно заранее знал, что жест вежливости будет отвергнут. Лишь отступил на полшага, придерживая тяжелую створку плечом, закрывая меня от прямого удара ветра.

Я шагнула на металлическую подножку. Ноги в дорожных ботинках отяжелели, ступни промерзли, но я заставила себя сойти на мостовую твердо, сжимая саквояж в правой руке.

Западная крепость нависала над головой циклопической каменной тушей.

Снизу, из города, она казалась просто мрачным силуэтом на гребне скалы. Вблизи это был лабиринт глухих стен толщиной в пять саженей, сложенных из черных базальтовых блоков без единого шва раствора — камни держались собственной чудовищной массой и запечатывающимися скобами из черного стекла. По углам цитадели высились сторожевые башни с узкими бойницами, а над внутренним двором, в мутном ночном небе, дрожало тусклое, сизое марево. Разлом дышал. Земля под ногами мелко, почти неуловимо вибрировала — этот гул отдавался в зубах и заставлял виски ныть от тупого давления.

У коновязи стояли шестеро караульных в серых стеганых полушубках поверх вороненых кирас. При виде Хранителя они вытянулись в струну, ударив кулаками в нагрудники. Ни один не посмотрел в мою сторону. Для них я уже не была женщиной или чиновницей магистрата. Я была грузом, доставленным по расписанию.

— В комендатуру, — бросил Торн старшему офицеру, сбрасывая капюшон.

Снег падал на его коротко стриженные темные волосы, мгновенно тая. В желтом свете факелов лицо Хранителя казалось старше, чем при первой встрече на площади: глубокие складки у крыльев носа, застарелый белесый след от ожога на левой стороне шеи, уходящий под воротник камзола, и пепельные, выгоревшие глаза, в которых не читалось ни единого движения души.

Мы вошли в сводчатый портал донжона.

Тяжелые кованые двери захлопнулись за нашими спинами с тем окончательным, чугуновым звуком, с каким опускается решетка тюремного карцера. Внутри коридора царило тепло, но тепло странное, неестественное: здесь не было каминов или дровяных печей. Вдоль плинтусов и под стрельчатыми сводами тянулись толстые трубы из черного стекла, слабо мерцающие изнутри тусклым, маслянистым светом. Они гудели. Низкий, басовый звук, похожий на гудение растревоженного улья, отдавал в подошвы. Город питался этой силой, мануфактуры плавил металл на ее жару, но здесь, в эпицентре, воздух был перенасыщен статическим электричеством: волоски на предплечьях вставали дыбом, во рту стоял стойкий привкус меди.

Торн провел меня через анфиладу караулен во внутреннее крыло — туда, где военный гарнизон уступал место жилым и административным покоем.

Его кабинет располагался на втором ярусе.

Большая, почти пустая комната с высокими стрельчатыми окнами, забранными толстыми слюдяными пластинами в свинцовых переплетах. Никаких ковров, бархата или картин. Тяжелый дубовый стол, заваленный чертежами крепостных бастионов и журналами давления, железный несгораемый шкаф в углу, три простых кресла с жесткими кожаными сиденьями и широкий каменный очаг, в котором мерно потрескивали крупные куски бездымного каменного угля.

Рейнар снял плащ, бросил его на деревянный ларь у входа и повернулся ко мне.

— Снимите пальто, лекарка Вейр. В этих стенах топят так, что к утру у непривычных людей идет носом кровь.

Я не стала спорить. Расстегнула пуговицы правой рукой, стянула суконное пальто и аккуратно положила его на спинку кресла. Левая рука повисла вдоль бедра, плечо ныло. На серой форменной шерсти моего платья отчетливо выделялся след от пореза на манжете.

Я поставила саквояж на угол стола, села в кресло и выпрямила спину.

— Я слушаю вас, Хранитель.

Он не сел напротив. Обошел стол, встал у камина, оперевшись ладонью о каменную полку, и посмотрел на огонь. Его поза была расслабленной, но это была расслабленность волка перед прыжком: контролируемая, собранная, лишенная малейшей суеты.

— Вы совершили ошибку, — произнес он в пламя. — Красивую, благородную и абсолютно бессмысленную с точки зрения выживания рода. Ваша сестра через месяц плакала бы на вашей поминальной службе в капитуле, но осталась бы жива. Теперь плакать будет некому.

— Селия умерла бы до исхода зимы, — отрезала я. — У нее врожденная слабость соединительной ткани. При спазме, который дала метка в первые пять минут, ее аорта расслоилась бы при первом же скачке давления в разломе. Я видела ее сосуды. Вы — нет. Так что избавьте меня от моральных нотаций о жертвенности. Я приехала сюда не умирать во славу города.

Торн медленно повернул голову. Его серые глаза сузились, сканируя мое лицо:

— Все они думали, что приехали сюда не умирать. Двенадцать невест до вас. Умные, знатные, набожные, упрямые. Ни одна не дожила до следующей осени.

— Потому что вы превращаете их в живые замки.

Слова упали в тишину комнаты с сухим щелчком взведенного арбалета.

Огонь в очаге на мгновение дрогнул, выбросив сноп синих искр. Уголь зашипел. Рейнар не вздрогнул. Его пальцы на каминной полке даже не шевельнулись, но воздух между нами словно сжался, сделавшись густым и трудным для вдоха.

— Откуда этот термин? — спросил он тихо. Слишком тихо.

— Я патологоанатом, Хранитель. Я умею читать повреждения тканей, даже когда их пытаются замазать храмовым бальзамом. Рисунок на моей руке — это не брачная метка. Это паразитический проводящий контур. Он врастает в нервную систему, замещая органику минеральными связями. Тело перестает принадлежать человеку. Оно становится биологическим шлюзом, удерживающим давление из-под плит. Вопрос лишь в одном: почему город врет о закрытых гробах?

Рейнар молчал долго. В камине треснул уголь, уронив в золу багровую горсть пепла. Наконец он оттолкнулся от полки, подошел к столу и сел напротив меня. Между нами легло пространство темного мореного дуба, разделяя нас, как барьер в зале судебных слушаний.

— Город врет, потому что правда разрушит Лиорн за трое суток, — сказал он, глядя мне прямо в зрачки. — Если магистрат объявит на площади, что каждые десять лет мы берем живую девушку и замуровываем ее нервы в фундамент барьера, гильдии взбунтуются. Начнется исход из Нижнего города. Мануфактуры встанут. А без постоянной откачки давления Врата сорвет через полгода, и тогда шестьдесят тысяч человек захлебнутся порожним мраком в собственных постелях.

Он говорил без пафоса. Без трагического надлома. Так интендант гарнизона докладывает о нормах расхода сухарей перед осадой.

— Значит, это правда, — констатировала я, чувствуя, как холодная, кристальная ясность вытесняет остатки лихорадочного возбуждения. — Мое тело станет замком.

— Через двадцать один день. В ночь зимнего солнцеворота. Церемония в соборе — это не свадьба, лекарка Вейр. Это фиксация последнего узла. Вас отведут вниз. В алтарную камеру под утесом. Там метка завершит переход. Ваше сердце продолжит биться, ткани будут получать

питание через контур черного стекла, но вы больше не сделаете ни шагу и не произнесете ни слова. Вы станете камнем, держащим свод. Год. Иногда четырнадцать месяцев, если сердце крепкое. Потом проводники выгорают, и тело рассыпается в пыль. В закрытый гроб капитул кладет ритуальную восковую оболочку.

Его слова не испугали меня. Они легли на свои места в голове, как недостающие кости в анатомическом скелете. Все сходилось. И закрытые гробы, и одинаковые свидетельства о смерти, и панический страх храмовников перед вскрытиями.

— И вы позволяете этому происходить двадцать два года, — произнесла я, не отводя глаз.

— Я держу этот город живым двадцать два года, — поправил он жестко. — Каждое утро. Своей собственной шкурой.

Он растегнул крючки на вороте камзола и отогнул край ткани.

На левой ключице, уходя вниз к груди и плечу, залегал рубец. Но это был не след сабельного удара. Кожа там была угольно-черной, блестящей, словно заплавленной в стекло, испещренной глубокими радиальными трещинами. От нее исходил едва заметный, слабый жар. Корневая связь с Вратами. Та самая сила, которая давала ему власть над защитными контурами и которая медленно, год за годом, превращала его в живой труп.

— Врата держатся на двоих, — продолжил Торн, застегивая ворот. — Хранитель удерживает внешний створ своей силой. Невеста замыкает внутренний запор своей жизнью. Это не я придумал эту систему, лекарка. Я принял ее, когда мой предшественник сгорел на плитах за шесть секунд, оставив после себя ведро серого пепла. И если я сниму руку с рычага — мы оба взлетим на воздух до рассвета.

— Значит, мы изменим систему, — сказала я.

Рейнар посмотрел на меня с тем тяжелым, снисходительным терпением, с каким смотрят на буйнопомешанных:

— Вы не слышали меня? Ритуал необратим. Ваша кровь в Главной книге. Врата приняли ваше имя.

— Я слышала каждое слово. И именно поэтому я останусь здесь на эти двадцать один день. Но не как ваша покорная жертва, запертая в спальне до заклания.

Я придвинула саквояж ближе, открыла латунный замок и достала чистый лист гербовой бумаги магистрата, флакон с чернилами и стальное перо. Правая рука работала безупречно: четко, быстро, без лишних колебаний.

— Мы составим протокол совместного пребывания, Хранитель Торн.

Он приподнял бровь:

— Протокол?

— Я служащая судебного ведомства. Моя правоспособность не аннулирована Советом. Если вы хотите, чтобы я не перерезала себе сонную артерию ланцетом прямо сейчас, сорвав ваш график и оставив Врата с открытым незамкнутым каналом, вы подпишете эти условия.

Торн не потянулся к оружию. Не повысил голоса. Он лишь скрестил руки на груди, ожидая:

— Излагайте.

— Первое, — я обмакнула перо в чернильницу. Скрип металла о пергамент прозвучал резко и сухо. — Никаких супружеских притязаний. Никаких общих покоев, совместных трапез по ритуальному регламенту и физического контакта, за исключением случаев прямой медицинской необходимости или предотвращения прорыва. Мое тело принадлежит мне до последней секунды двадцать первого дня.

— Согласен, — отозвался он без малейшей паузы. — Мне не нужна жена, лекарка Вейр. Совет называет это браком ради душевного спокойствия горожан. Для меня вы — носитель критического узла. Мне не интересна ваша постель.

— Второе, — я вписала следующую строку. — Отдельные апартаменты в жилом крыле. Дверь закрывается изнутри. Единственный ключ находится у меня. Вход в мои комнаты без моего прямого разрешения запрещен любому лицу гарнизона, включая вас.

— Принимается. За исключением ситуации боевой тревоги при прорыве внешнего контура. В этом случае дверь будет выбита.

— Справедливо, — я кивнула, внося поправку. — Третье. Полная свобода служебной переписки. Ежедневная доставка моих писем сестре и председателю Палаты причин смерти через курьеров магистрата, без предварительной цензуры канцелярии Совета. Селия должна знать, что я жива и дееспособна.

— До тех пор, пока в письмах не содержатся военные схемы крепостных укреплений и данные о состоянии внешних рубежей. Тайны обороны не выйдут за эти стены.

— Четвертое. Доступ к материалам. Мне нужны журналы освидетельствования всех прежних невест, отчеты капитула, книги расхода черного стекла и допуск к архивам первого яруса. Если я должна понять, как устроена эта машина, мне нужны ее чертежи, а не храмовые проповеди.

Рейнар помолчал. Взгляд его пепельных глаз стал тяжелым, сканирующим:

— Архивы первого яруса я открою. Медицинские журналы вы получите. Но в нижние горизонты, к алтарным камерам, вы не спуститесь. Там смертоносный фон. Без защитного снаряжения вы сгорите за час.

— Договорились, — я поставила точку, быстро пробежала глазами написанный текст и развернула лист к нему. — Ваша подпись, Хранитель.

Рейнар посмотрел на ровные строчки судебного соглашения. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он взял перо из моих пальцев — на мгновение его сухая, горячая кожа коснулась моих подушечек, оставив ощущение электрического покалывания, — и твердой рукой вывел внизу широкую, угловатую роспись:

«Рейнар Торн. Хранитель рубежа».

Он вернул мне перо, поднялся из-за стола и подошел к стене, сняв с медного крюка тяжелый железный ключ сложной формы, с тремя глубокими фигурными пропилами на бороде.

— Пойдемте. Я покажу ваши покои.

Мы вышли в боковую галерею.

Здесь было тише, чем в комендатуре. Стены были выложены серым тесаным камнем, под ногами лежали дорожки из грубого шерстяного войлока, приглушавшие шаги. Торн шел на полшага впереди, не оборачиваясь, но его походка была выверена: он не ускорял шаг, давая мне возможность держать темп, несмотря на ноющую боль в руке и накопившуюся смертельную усталость.

По пути он коротко, отрывисто указывал на повороты:

— Северный переход ведет в лазарет и аптекарский склад. Ключ от них я передам завтра утром. Восточная винтовая лестница — в библиотеку и подархив. Южная галерея закрыта наглухо, там расквартирована рота караула. На плац без моего сопровождения не выходить: солдаты взвинчены, на башнях взведены тяжелые самострелы.

— А город? — спросила я, прижимая саквояж к боку. — У меня есть право выхода в Палату причин смерти?

Торн остановился у тяжелой дубовой двери в конце коридора и повернулся ко мне:

— За пределами крепостных ворот ваше имя начинает звучать для разлома как открытый свищ. До десяти шагов от стен метка терпима. Дальше натяжение связи растет с каждым пройденным кварталом: сначала боль и одышка, потом спазм. Я могу находиться вне цитадели не больше шести часов подряд — затем корневая связь начинает выжигать мои собственные нервы. У вашей метки предел пока неизвестен, поэтому первые выходы придется делать короткими и под наблюдением.

Он вставил ключ в замочную скважину дубовой двери.

Замок провернулся с мягким, маслянистым звуком — механизм был чистым, смазанным, без капли ржавчины. Створка распахнулась внутрь.

Комната оказалась неожиданно просторной и сухой. Высокий потолок с нервюрами из светлого известняка, застеленный сукном дубовый стол, глубокое кресло у камина, в котором уже теплились угли, узкая кровать под шерстяным покрывалом и глухая дверь в глубине, ведущая в умывальню. На столе стояла зажженная масляная лампа под матовым стеклянным колпаком, стопка чистой бумаги и жестяная банка с сушеным горным чаем. Никаких решеток на окне — лишь тяжелые дубовые ставни с надежными внутренними засовами.

— Это комнаты комендантского крыла, — сказал Рейнар, отступая на шаг в коридор. — Стены изолированы свинцовыми пластинами. Здесь фон давления минимален. Вы сможете спать.

Он вынул ключ из замка и протянул его мне на раскрытой ладони.

Тяжелое, холодное железо.

— Дубликатов нет. Замок изготовлен мастерами докового цеха по особому заказу. Если вы запретесь изнутри, открыть эту дверь снаружи можно только тараном.

Я взяла ключ. Пальцы левой руки почти не сгибались, поэтому я переложила его в правую ладонь, чувствуя грубые грани металла.

— Благодарю, Хранитель.

Он не ответил на благодарность. Лишь скользнул взглядом по моему лицу, задержавшись на темных кругах под глазами:

— Ложитесь спать, лекарка Вейр. Завтра в восемь утра дежурный офицер доставит вам журналы. Вам понадобятся силы. Двадцать один день — это меньше, чем кажется, когда за спиной тикают часы разлома.

Он развернулся и пошел по коридору, его тяжелые сапоги глухо ступали по войлоку, а черный плащ колыбался в такт размеренным шагам.

Я вошла в комнату, захлопнула тяжелую дубовую створку и повернула ключ в замке.

Два полных оборота. Щелчок стального язычка прозвучал в тишине комнаты как удар колокола. Я осталась одна.

Я опустила саквояж на пол, подошла к столу и без сил опустилась в кресло.

Только сейчас, когда железная преграда легла между мной и внешним миром, я позволила плечам опуститься. Левая рука пульсировала непрерывной, выматывающей судорогой. Я стянула перчатку, зубами развязала тесемку на манжете и закатала рукав платья до локтя.

При свете лампы метка выглядела еще страшнее, чем в камере регистратора.

Тонкие угольно-черные линии уже оплели запястье двойным кольцом и теперь медленно, неотвратимо ползли вверх по лучевой кости. Они светились едва заметным фосфорическим блеском. В месте контакта с чернильной записью кожа огрубела, сделавшись шершавой, похожей на змеиную чешую. Но чувствительности не было. Я взяла со стола швейную иглу из дорожного набора и осторожно уколола подушечку указательного пальца.

Ни боли. Ни капли крови. Ткань засыпала, превращаясь в минерал.

Я сжала зубы, достала из кармана флакон с камфорным спиртом и обильно смочила повязку, туго забинтовывая руку эластичным бинтом от пальцев до локтя, чтобы зафиксировать суставы. Холод немного унял ноющую боль в надкостнице.

На краю стола, придавленный бронзовым пресс-папье, лежал толстый кожаный фолиант.

Я нахмурилась. Рейнар сказал, что журналы принесут утром. Но эта книга лежала здесь ранее.

На потертой обложке из телячьей кожи не было гербов. Лишь выдавленная золотом надпись, наполовину стершаяся от времени: «Реестр соматического сопровождения избранницы одиннадцатого цикла. Аделла Рон».

Последняя невеста. Та самая девушка, которая вошла в крепость десять лет назад и чей закрытый гроб вывезли в капитул ровно через двенадцать месяцев.

Я пододвинула лампу ближе, открыла фолиант на первой странице и погрузилась в чтение.

Первые записи были стандартными. Сухой, аккуратный почерк храмового лекаря магистрата: замеры пульса, температура, рацион питания, применение седативных травяных сборов. Но чем дальше я листала страницы, тем сильнее во мне просыпался следователь.

Клиническая картина не складывалась.

На четвертом месяце пребывания лекарь фиксировал: «Общая слабость, угасание аппетита, жалобы на холод в конечностях». При этом в графе температуры стояли стабильные тридцать шесть и шесть десятых градуса. На шестом месяце: «Сердечный ритм сорок ударов в минуту, дыхание редкое, поверхностное, зрачковые рефлексы вялые». И тут же приписка: «Пациентка самостоятельно совершает часовые прогулки по галерее».

Пульс сорок ударов, редкое дыхание и угасание рефлексов плохо вязались с часовыми прогулками по продуваемым ветром галереям. Такая запись могла означать ошибку измерения, неполный осмотр или подлог — но точно не давала мне права принять журнал на веру.

Я перевернула страницу, вчитываясь в термины брачного договора, приложенного к делу.

И тут мой взгляд зацепился за строчку в преамбуле древнего обязательства.

Текст был написан на высоком архаичном наречии первых наместников. Переводчики капитула перевели ключевое слово как «невеста, отдающая себя в вечное супружество Хранителю рубежа». Но корень слова был другим. Не «супруга» и не «жертвенная жена». Древнее слово «conjunctio» в судебных хартиях времен основания города означало совершенно иное: «равновесная сторона двусторонней печати». Равная сторона договора. Не собственность. Не приношение. Союзник, несущий парную нагрузку.

Слово переврали. Сознательно, в угоду поздней традиции, превратившей равноправного оператора защиты в бессловесную жертву.

Я перелистнула фолиант на самый конец.

Последняя страница. Акт констатации смерти Аделлы Рон.

Дата: двадцать четвертое ноября, ровно десять лет назад.

Текст заключения: «Смерть наступила во сне вследствие полной остановки сердечной деятельности. Тело передано ритуальной коллегии для запаивания в свинцовый саркофаг в присутствии членов капитула».

Под актом стояли две подписи.

Первая — витиеватая, размашистая роспись храмового целителя магистрата.

А вторая...

Вторая подпись была нанесена черными, въевшимися в пергамент чернилами. Четкая, угловатая, без единого лишнего завитка:

«Рейнар Торн. Хранитель рубежа».

Я смотрела на эти буквы, чувствуя, как мороз пробегает по спине.

Храмовый лекарь зафиксировал остановку сердца во сне. Но в графе трупных изменений стояла отметка: «Окоchenение отсутствует, кожные покровы сохраняют эластичность на момент запечатывания саркофага через шесть часов после кончины».

Это была не надежная констатация смерти, а грубо составленный акт, который противоречил собственным наблюдениям. Отсутствие окоchenения через шесть часов само по себе еще ничего не доказывало: слишком многое зависело от температуры, состояния тела и точности осмотра. Но здесь не было ни нормального описания посмертных изменений, ни независимой проверки, ни вскрытия.

По такому документу я не имела права подтвердить, что Аделла Рон действительно умерла.

И Хранитель, который только что отдал мне ключ от этой комнаты и поклялся не нарушать моих границ, лично поставил свою подпись под этим подлогом.

Глава 3

К утру отек спустился к запястью.

Я размотала эластичный бинт при тусклом свете масляной лампы, стараясь не делать резких движений. Кожа под полотном была белой, сухой и неестественно гладкой, словно ее натерли воском. Черные нити ритуальной метки за ночь продвинулись еще на полдюйма вверх по лучевой кости, напоминая застывшие под стеклом трещины в перекаленном базальте. Подушечки указательного и среднего пальцев не чувствовали холода медной пряжки. Когда я попыталась сжать ладонь в кулак, связки отозвались глухим, деревянным сопротивлением.

Двадцать дней.

На каменном подоконнике лежали дорожные карманные часы в серебряном корпусе: их секундная стрелка мерно, сухо отщелкивала секунды. Циферблат отсчитывал не время суток. Он отсчитывал остаток моей физической автономии.

На углу стола все так же белела открытая страница регистра соматического сопровождения Аделлы Рон. Акт констатации смерти. Размашистая роспись храмового целителя и под ней — четкий, угловатый росчерк Рейнара Торна. Ложь, запечатанная гербовым сургучом десять лет назад.

В дверь постучали.

Три коротких, размеренных удара. Без попытки нажать на ручку, без хозяйской тяжести.

Я затянула бинт обратно, натянула шерстяную перчатку, скрывая онемевшую кисть, и повернула ключ в замке. Два оборота. Стальной язычок вышел из паза с мягким щелчком.

На пороге стоял капитан крепости Тарен Эйд. Высокий офицер лет сорока с обветренным лицом, в вороненом полудоспехе без церемониальных лент. За его плечом маячили двое караульных с короткими карабинами на ремнях.

— Лекарка Вейр, — капитан приложил кулак к нагруднику, отдавая уставной салют, положенный старшим чинам судебного ведомства. — Служебный выезд готов. Хранитель ожидает у дозорной башни. Слушание согласительной палаты Совета назначено на девять утра.

— Председатель магистрата подтвердил присутствие гражданского надзора? — спросила я, застегивая пуговицы дорожного пальто и беря саквояж со стола.

— Судья Орвин прибыл в Дом Совета двадцать минут назад, — ответил капитан, посторонившись, чтобы дать мне выйти в коридор. — Но канцлер Кадор распорядился провести заседание по закрытому регламенту обороны.

— Это мы еще обсудим, — произнесла я.

Мы спустились по винтовой лестнице к внутреннему двору цитадели.

Утренний Лиорн тонул в сизом, едком тумане. Снег, сыпавший всю ночь, лежал на зубцах стен тяжелыми грязными шапками, но на плацу мгновенно таял: от черных плит над разломом поднималось едва заметное, теплое марево. Земля под ногами мелко, непрерывно вибрировала, словно под каменной коркой ворочался исполинский механизм.

Рейнар стоял у подножия башни.

Он сменил дорожный плащ на глухой темно-серый мундир офицеров гарнизона с серебряной окантовкой стоячего воротника. Никаких родовых гербов, никаких знаков отличия, кроме тяжелой цепи из черного железа, державшейся на плечах. Лицо Хранителя казалось высеченным из того же базальта, что и стены за его спиной: бледное, с темными тенями под веками, челюсти сжаты. Взгляд пепельных глаз скользнул по моей перебинтованной руке, на долю секунды задержался на ремнях саквояжа, но ни единого вопроса он не задал.

— Экипаж проверен, — коротко произнес он, кивнув Тарену. — Конвой держит дистанцию в десять саженей. В городе не останавливаться ни при каких обстоятельствах.

— Я помню условия, Хранитель, — ответила я. — Шесть часов для вас, натяжение метки для меня.

— Дело не только в метке, лекарка, — Торн распахнул передо мной дверцу кареты. — Дело в людях, с которыми вы собираетесь говорить. Канцлер Кадор не повышает голоса, когда подписывает ордера на бессрочную изоляцию. Не давайте ему повода усомниться в вашей вменяемости.

— В Палате причин смерти вменяемость подтверждается протоколами вскрытий, — я поднялась на подножку, стараясь не опираться на большую левую руку. — А протокол — вещь упрямая. Он не зависит от благоволения канцлера.

Рейнар сел напротив. Дверца захлопнулась, и тяжелая карета тронулась с места, с грохотом перекашиваясь через железные балки подъемного моста.

Спуск в Верхний город занял меньше получаса, но каждый поворот серпантина отзывался в моем предплечье нарастающей, сосущей болью. Метка внутри реагировала на удаление от цитадели: черные нити под кожей словно натягивались, как струны, заставляя пальцы неметь еще сильнее, а в висках поднимался тонкий, давящий звон. Я дышала глубоко, через нос, концентрируясь на запахе остывшего угля и суконной обивки сидений, не позволяя лицу дрогнуть. Рейнар сидел неподвижно, глядя в щель между стальными ставнями. Он держал дистанцию, но в замкнутом пространстве кареты его присутствие ощущалось физически — плотное, тяжелое, заряженное тем же сдерживаемым давлением, которое тлело под плитами его цитадели.

Дом Совета Врат возвышался на гранитной террасе над административной площадью.

В отличие от средневековой грубости Западной крепости, это здание строилось во времена расцвета Чёрной мануфактуры: строгий неоклассический фасад из полированного диабазы, широкие мраморные ступени, колонны с капителями из литого черного стекла, по которым изнутри струились тусклые, маслянистые отсветы городского давления. Здесь пахло богатством, властью и дорогой казенной канцелярией — воском, трубочным табаком и тяжелым парфюмом верхушки гильдий.

Нас провели через боковой вестибюль, минуя общие приемные залы.

Зал согласительной палаты представлял собой полукруглую аудиторию с высокими сводами, зашитыми мореным дубом. На галереях не было зрителей: заседание действительно объявили закрытым.

За полукруглым судейским столом на возвышении сидели трое.

В центре — Морвен Кадор. Канцлеру Совета Врат было около шестидесяти. Сухой, поджарый мужчина с безупречной военной выправкой, в строгом черном сюртуке без единого украшения, кроме золотого нагрудного знака председателя. Его седые волосы были коротко острижены, тонкие губы сжаты в ровную линию, а водянисто-серые, цепкие глаза смотрели на мир с той абсолютной, лишенной эмоций ясностью, какая бывает у старших хирургов перед безнадежной ампутацией. Рядом с ним сидел главный храмовый архивариус в бархатной сутане и представитель гражданского суда — пожилой судья Орвин, державший перед собой раскрытую книгу городских законов.

Когда мы вошли, Кадор даже не поднял руки. Лишь слегка наклонил голову, признавая факт нашего прибытия:

— Хранитель Торн. Лекарка Вейр. Садитесь.

Мы остались стоять у барьера для просителей. Рейнар заложил руки за спину, держась на полшага позади меня — позиция свидетеля, не вмешивающегося в процесс до прямого обращения.

— Мы собрались по экстренному представлению Палаты причин смерти, — ровным, сухим голосом начал канцлер, перебирая узловатыми пальцами листы гербовой бумаги. — Ваше прошение об аннулировании брачной записи в Главном реестре получено канцелярией

на рассвете, госпожа Вейр. Вы ссылаетесь на параграф о введении в заблуждение относительно характера ритуальной нагрузки и требуете отмены процедуры субституции.

— Именно так, господин канцлер, — произнесла я, выпрямляя спину. Голос звучал чисто, разлетаясь под деревянными сводами зала. — В момент подписания реестра регистратор Бранд умышленно скрыл от меня природу предстоящего процесса. Согласно шестой статье Медицинского уложения Лиорна, любое соматическое вмешательство, влекущее необратимую утрату дееспособности или трансформацию тканей, требует полного информированного согласия пациента. Ритуал Врат не является браком. Это принудительная вивисекция, превращающая тело человека во внутренний запорный элемент крепости. Подпись, полученная путем сокрытия этих фактов, юридически ничтожна.

Архивариус за столом шумно, возмущенно выдохнул, но Кадор лишь слегка приподнял бровь. Ни тени гнева на его лице не отразилось.

— Любопытная юридическая эквилибристика, лекарка, — спокойно ответил канцлер. — Вы апеллируете к гражданскому медицинскому праву. Однако вы забываете фундаментальную норму: закон о безопасности Чёрных врат обладает верховенством над любыми городскими статутами с момента основания Лиорна. Ваш статус утвержден не медицинской палатой. Он утвержден самой силой разлома.

Он поднял со стола узкую стеклянную пластину — свидетельный оттиск с каплей моей спекшейся крови, сделанный Брандом вчера в полночь:

— Врата услышали ваше имя, Иара Вейр. Связь замкнута. Ни один гражданский суд, ни один совет магистров не имеет физической возможности вычеркнуть запись из камня без катастрофических последствий для внешнего барьера. Если мы разорвем контур административным решением, через сорок восемь часов давление расколет плиты под Нижним городом. Вы требуете личной свободы ценой жизней шестидесяти тысяч ваших сограждан. Закон не допускает такого размена.

Судья Орвин сокрушенно покачал головой, глядя в свои бумаги:

— Канцлер прав, коллега Вейр. Прецедентная база за два столетия непреклонна. Добровольная субституция необратима, если субъект достиг совершеннолетия и действовал без прямого физического принуждения. Ваша подпись стоит в книге.

Ловушка захлопнулась. Формально, процессуально они были правы. Действующая редакция хартии закрывала любой выход для частного лица.

Но я пришла сюда не за частным исключением.

— Я не требую привилегий для себя, господин канцлер, — я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до судейского стола. — Я требую проверки законности всей системы.

В зале повисла тяжелая, гулкая пауза.

Кадор впервые за все время посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде мелькнуло холодное, опасное любопытство:

— Продолжайте.

— За последние пятьдесят лет Совет похоронил пять невест Хранителя, — четко, отчеканивая каждое слово, заговорила я. — Во всех свидетельствах о смерти, выданных храмовой коллегией, значится одна и та же причина: «Сердечное угасание в покое». Однако вчера ночью я изучила клинический журнал соматического сопровождения последней невесты — Аделлы Рон. В акте, подписанном храмовым целителем ровно десять лет назад, спустя шесть часов после объявленной кончины отмечены отсутствие окоченения и сохранение эластичности тканей, но нет полноценного описания посмертных изменений и нет независимой проверки смерти.

Архивариус дернулся, судорожно вцепившись в край стола:

— Это святая благодать ритуала! Тело праведницы не подвержено тлену...

— Это не доказательство смерти, — перебила я, повысив голос. — Трупные изменения переменчивы, но именно поэтому их обязаны описывать полностью, а не заменять двумя удобными строками. По этому акту нельзя установить ни достоверное время смерти, ни сам факт необратимой остановки жизненных функций. А тело немедленно изъяли из-под гражданского контроля. Я утверждаю не то, что одна запись уже доказывает жизнь Аделлы, а то, что Совет не имеет надежного медицинского доказательства ее смерти и годами запрещает независимую проверку.

Я развернулась к Рейнару:

— Под этим актом стоит подпись Хранителя рубежа. Я требую, чтобы свидетель Торн под присягой ответил Высокому совету: проводилось ли хоть одно независимое патологоанатомическое вскрытие тел прежних невест за время его службы?

Все взгляды в зале скрестились на Рейнаре.

Он не дрогнул. Не опустил глаз перед канцлером. Его голос прозвучал низко, ровно, раскатываясь по дубовым панелям с силой погребального колокола:

— Ни одного.

Кадор медленно сжал пальцы в замок:

— Хранитель Торн...

— Я подтверждаю слова лекарки Вейр, — продолжил Рейнар, не давая канцлеру перебить. — Капитул забирает тела в закрытые часовни до запечатывания свинцовых саркофагов. Доступ врачей гражданского ведомства блокировался распоряжениями канцелярии Совета. Независимой судебной экспертизы причин угасания тканей не проводилось двадцать два года.

Воздух в зале словно наэлектризовался. Судья Орвин резко выпрямился, поправляя очки на переносице:

— Господин Кадор... если в официальных актах констатации смерти фигурируют заведомо ложные соматические данные, это меняет юрисдикцию. Это не вопрос ритуального устава. Это статья сорок вторая Уголовного уложения — должностной подлог при фиксации причин гибели гражданских лиц. Судебная палата имеет право требовать проверки первичных протоколов.

Канцлер не повысил голоса. Его лицо оставалось маской, но желваки на челюстях едва заметно отвердели.

— Вы ступаете на опасную почву, лекарка Вейр, — тихо произнес он. — Объявить действия Совета преступлением — значит поставить под сомнение легитимность всей защитной системы города. Вы действительно хотите устроить панику на улицах накануне солнцеворота?

Он сделал едва заметный жест рукой.

— Судья Орвин, архивариус. Оставьте нас на пять минут. Нам требуется предварительное согласование процедурного регламента.

Судья заколебался, но встретил ледяной взгляд Кадора и молча поднялся из-за стола, увлекая за собой бледного храмовника. Тяжелые дубовые двери за их спинами закрылись.

Мы остались вчетвером: я, Рейнар, канцлер и капитан Тарен у дверей.

Кадор поднялся из-за стола. Не спеша спустился по ступеням помоста, остановившись в трех шагах от меня. От него пахло горьким миндалем и старой бумагой.

— Вы умная женщина, Иара, — сказал он, и в его тоне прозвучала неожиданная, почти отеческая мягкость, от которой по спине пробежал холодок. — Ваша квалификация в Палате причин смерти безупречна. Вы спасли сестру — благородный, понятный порыв. Но вы пытаетесь сломать машину, назначение которой вы не понимаете.

— Я понимаю, что эта машина жрет живых людей, чтобы ваши мануфактуры получали дешевую энергию разлома.

Кадор чуть заметно усмехнулся:

— Эта машина держит небо над вашей головой. Без нее здесь не будет ни мануфактур, ни палат, ни вашей сестры. Селия Вейр, кажется? Милая девочка. Талантливый чертежник. Было бы прискорбно, если бы по неосторожности она попала под обвал в старых коллекторах Нижнего города во время внеплановой инспекции.

Мое сердце сжалось, но лицо осталось неподвижным:

— Вы угрожаете мне, канцлер?

— Я предлагаю вам разумный выход, — Кадор шагнул ближе, понизив голос до доверительного шепота. — Мы не можем отменить запись Врат. Но Совет может изменить условия вашего содержания. Мы объявим, что у вас выявлена редкая форма соматической несовместимости. Никаких алтарных камер. Вы переедете в закрытый горный санаторий капитула над Верхним озером. Полный пансион, медицинская автономия, любые книги, содержание из городской казны. Ваша сестра получит пожизненный патент старшего землемера и неприкосновенность. От вас требуется лишь одно: признать брачный договор действительным, подписать отказ от претензий и прекратить это бессмысленное расследование. Город получит свой ритуал. Вы получите жизнь и покой.

Сделка легла передо мной на стол — чистая, сытая, безопасная.

Личное спасение. Комфортная золотая клетка, пока Лиорн будет продолжать отдавать девочек черному камню каждые десять лет.

Я посмотрела на канцлера, чувствуя, как немеющие пальцы левой руки сжимают рукоять саквояжа:

— А через десять лет вы выберете новую двадцатидесятилетнюю чертежницу? И снова закроете гроб свинцом?

— Порядок требует жертв, лекарка. Взрослые люди понимают это без лишнего пафоса.

— Тогда запишите мой процессуальный ответ, господин Кадор, — сказала я. — Я отказываюсь от сделки.

Канцлер медленно отступил на шаг. Мягкость с его лица исчезла без следа, обнажив серую, безжалостную сталь государственного механизма:

— Вы совершаете фатальную ошибку, госпожа Вейр.

— Возможно, — я повернулась к дверям. — Но пока я жива и обладаю лицензией старшего лекаря судебного ведомства, я буду вести это дело по закону. Зовите судью.

Через десять минут протокол был составлен.

Кадор подписал его не глядя, размашистым, яростным росчерком пера. Совет не мог проигнорировать заявление судебного эксперта о фальсификации свидетельств о смерти без риска публичного судебного разбирательства с коллегией магистрата — бюрократия защищала себя буквой инструкций.

— Допуск удовлетворен, — сухо объявил судья Орвин, прижимая латунную печать к свежему пергаменту. — Старшей лекарке Иаре Вейр предоставляется сорок восемь часов для проведения предварительной судебно-медицинской проверки обстоятельств кончины Аделлы Рон. Включая право на однократное вскрытие саркофага в усыпальнице капитула и доступ к закрытому архиву причин смерти за последние тридцать лет.

Орвин передал мне тяжелый лист гербовой бумаги.

— Но предупреждаю вас, коллега: если по истечении сорока восьми часов вы не представите Совету неопровержимых материальных доказательств подлога, ваша лицензия будет аннулирована пожизненно. А статус невесты Врат вернется в распоряжение церемониального протокола без права апелляции. Передвижения лекарки ограничиваются маршрутом: усыпальница, архив, Западная крепость. Охрану обеспечивает караул Совета.

— Я принимаю эти условия, — ответила я, забирая документ.

Мы вышли из зала под конвоем четырех гвардейцев.

На парадной лестнице Дома Совета снова свистел ледяной ветер, швыряя в лицо крупницы колючего снега. Город внизу казался серым, бескрайним, затянутым дымом фабричных труб. Шестьдесят тысяч человек жили своей обычной жизнью, покупали хлеб, чинили телеги, не подозревая, что их покой куплен телами, запертыми в каменных подвалах.

Рейнар шел рядом. Его шаги по мрамору звучали тяжело, плащ колыхался на ветру.

— Вы получили то, что хотели, лекарка? — спросил он, когда мы подошли к карете.

— Я получила право вскрыть могилу, — я остановилась у дверцы, повернувшись к нему лицом. — Доступ на одну ночь. Сегодня в полночь мы войдем в усыпальницу Аделлы Рон.

Я посмотрела ему прямо в глаза, туда, где за пепельной радужкой не читалось ни страха, ни раскаяния:

— Вы ведь пойдете со мной, Хранитель? Мне очень хочется услышать, как вы объясните судебно-медицинской комиссии свою подпись под телом, которое дышало, когда вы забивали крышку ее гроба.

Рейнар не отвел взгляда. Лишь на мгновение напряглась его челюсть, а пальцы в черных перчатках сжались на эфесе палаша.

— Я открою вам склеп, лекарка Вейр, — негромко, с пугающим спокойствием произнес он. — Но будьте готовы к тому, что вы там найдете. Камень не возвращает того, что однажды забрал.

Дверца экипажа захлопнулась. Обратный отсчет двадцати дней начался, и стрелка на моих карманных часах неумолимо двигалась к полуночи.

Глава 4

Подземная усыпальница капитула располагалась под северо-восточным бастионом — в той части скального массива, где естественные гранитные пустоты переходили в рукотворные склепы первых наместников. Свинцовые пломбы десятилетней давности пахли окислившимся металлом и застарелой погребальной известью. Здесь не было труб из черного стекла. Вдоль стен сочилась грунтовая вода, оставляя на серых плитах мутные известковые потеки. Воздух стоял неподвижный, замороженный, с привкусом сырой земли и лампадного масла, горевшего в железных плошках у входа.

Судебный писарь Верн примостил походную конторку на полукруглом выступе стены, поминутно дыша на синеющие пальцы.

Ему было за сорок, сухопарый, с редкой бородкой клинышком и въедливым, пугливым взглядом канцеляриста, знающего, что за каждую неверную запятую в судебном протоколе можно расплатиться каторгой на серых рудниках. На его потертом сюртуке висел серебряный знак Палаты причин смерти, а на поясе — связка казенных свинцовых блях и тигельные щипцы для опечатывания образцов.

— Время — полночь и двенадцать минут, — произнес Верн, и его скрипучий голос гулко отразился от низких сводов. — Вскрытие проводится на основании чрезвычайного предписания коллегии магистрата за подписью судьи Орвина. Присутствуют: судебный эксперт Иара Вейр, Хранитель рубежа Рейнар Торн, протоколист судебной канцелярии Верн. Фиксирую целостность внешних пломб капитула на саркофаге номер девять.

Я опустила саквояж на каменную плиту пола.

Левая рука, перехваченная тугой повязкой под шерстяной перчаткой, висела вдоль тела свинцовым грузом. После утреннего слушания у канцлера онемение закрепилось в лучезапястном суставе: пальцы слушались с трудом, словно я держала их в ледяной воде, а черные нити метки под сукном платья пульсировали глухим, тянущим жаром. Но правая рука была твердой.

— Снимайте пломбы, господин Верн, — сказала я, доставая из саквояжа костяной шпатель, стеклянные пробирки с притертыми пробками и флакон с серебряной солью. — Заносите в протокол: свинцовые печати имеют следы поверхностного окисления, механических повреждений замковых скоб нет.

Рейнар стоял у изголовья каменного гроба.

Он не снимал тяжелого форменного плаща, опершись ладонью в черной перчатке на эфес длинного прямого палаша. В неверном желтом свете масляного фонаря его лицо казалось высеченным из того же серого песчаника, что и стены крипты: резкие тени под скулами, неподвижные, выгоревшие до пепла глаза. Он не пытался вмешиваться в процедуру, не торопил и не советовал. Лишь смотрел на крышку саркофага с той тяжелой, давящей сосредоточенностью, с какой караульные смотрят на взведенный фитиль пороховой мины.

Писарь подцепил свинцовую бляху стальными кусачками. Металл хрустнул, распадаясь на две половины.

— Печати сняты, — Верн вытер вспотевший лоб рукавом. — Господин Хранитель, по регламенту требуется применение физической силы для сдвига замковой плиты.

Торн молча шагнул вперед.

Он не стал снимать перчаток. Уперся ладонями в монолитную крышку из полированного базальта — тяжелую плиту толщиной в добрых четыре вершка, весившую не меньше тридцати пудов. На его шее, прямо над черным застарелым ожогом корневой связи, вздулись тугие жилы. Он не делал судорожных рывков. Движение было медленным, непреклонным, основанным на той страшной, нечеловеческой плотности мышц, которую давала связь с разломом.

Камень застонал. Известковый шов лопнул с сухим, трескучим звуком, по своду поползла мелкая пыль, и тяжелая плита сдвинулась вбок, открывая черное нутро саркофага.

В нос ударил воздух склепа.

Но это не был смрад разложения. За десять лет органика должна была превратиться в сухие кости и серую истлевшую ткань савана, пахнущую плесенью и сухой трупной пылью.

Из гроба пахло иначе.

Сухой, едкий аромат горного воска, бальзамической смолы и тонкий, металлический дух кремниевой окалины — тот самый запах, который исходил от труб на Чёрной мануфактуре.

— Поднесите фонарь ближе, Верн, — приказала я, подходя к краю плиты.

Писарь приблизился, держа лампу на вытянутой руке. Стекло мелко дрожало в его пальцах, отбрасывая на каменные стенки гроба пляшущие желтые круги.

Внутри лежало тело.

Оно было укутано в белый шелковый саван, расшитый ритуальными серебряными нитями капитула. Ткань почти не истлела. Но когда я осторожно отогнула край полотна костяным шпателем, обнажая лицо и грудь, писарь за моей спиной судорожно, со свистом втянул воздух:

— Милосердные боги... Она цела.

Это не было телом живой женщины. Но это не было и трупом.

Перед нами лежала ритуальная оболочка.

Кожа Аделлы Рон не сгнила и не высохла. Она превратилась в полупрозрачный, янтарно-серый панцирь, напоминающий застывшую смолу или тончайший, отполированный временем воск. Черты лица сохранились безупречно: тонкий прямой нос, резко очерченные скулы, плотно сжатые бескровные губы. Но сквозь полупрозрачный эпидермис не просвечивали мышцы или кровеносные сосуды.

Вместо них под кожей залегала густая, геометрически выверенная сетка темных минеральных волокон. Они оплетали кости черепа, стягивали височные впадины, радиальными лучами расходились от глазниц к основанию шеи. Они напоминали корни сосны, проросшие сквозь глиняный слепок и застывшие навсегда.

Грудная клетка была пуста.

Под янтарной кожей не было ребер или легких — там темнела плотная, волокнистая масса застывшего черного стекла, заменившая собой внутренние органы.

— Заносите в протокол, — сказала я, отсекая суеверный ужас писаря. — Визуальный осмотр останков Аделлы Рон, погребенной десять лет назад. Признаки трупного гниения, мумификации или скелетирования отсутствуют. Ткани подверглись глубокой кремнево-восковой петрификации. Структура лица и мягких покровов сформирована искусственной ритуальной оболочкой.

— Оболочкой?... — переспросил Верн, быстро скрипя пером по влажному пергаменту. — То есть... это не она?

— Это слепок, — я достала из саквояжа стальной ланцет. — Матрица, зафиксировавшая поверхностный контур тела в момент ритуального переноса. Вопрос в том, когда именно этот слепок был отделен от носителя.

Я посмотрела на Рейнара. Хранитель стоял неподвижно, не опуская взгляда в гроб. Его лицо в полумраке казалось такой же маской, как и лицо лежащей перед нами женщины.

— Мне нужен глубокий срез, — произнесла я. — Подключичная область. Там, где сходились силовые линии метки.

Я поднесла ланцет к янтарной коже над левой ключицей оболочки. Сталь коснулась материала с сухим, глухим хрустом, похожим на надрез толстого листа подошвенной кожи. Ткань не крошилась. Она была вязкой, плотной, насыщенной минеральными смолами.

Я отделила узкую полоску материала шириной в полдюйма и пинцетом перенесла ее на белое фарфоровое блюдце. Затем достала флакон с серебряной солью.

Пора было задействовать дар.

В Палате причин смерти это называли редкой соматической аномалией восприятия. Я называла это профессиональным инструментом. Посмертный рисунок не показывал призраков, не раскрывал чужих мыслей и не называл имен убийц по слуховым галлюцинациям. Он работал иначе: серебряная соль, вступая в реакцию с остаточной ритуальной деструкцией в тканях, проявляла последовательность разрушения живых клеток. Она показывала вектор силы, глубину поражения и точный временной интервал между нанесением повреждения и окончательным угасанием биоэлектрической активности нервных стволов.

Но за каждую пробу приходилось платить собственной нервной системой.

Я стянула перчатку с левой руки.

Кожа на ладони была мертвенно-бледной, черные ветви метки под ней налились тяжелой, фиолетовой синевой. Пальцы едва разгибались. Я насыпала щепотку серого порошка серебряной соли прямо на срез ткани в блюдце, смочила его тремя каплями спирта и прижала подушечки указательного и среднего пальцев левой руки к влажной смеси.

Контакт замкнулся.

Боль ударила в руку не как ожог — как железный штырь, вбитый в костный мозг от кончиков пальцев до самого локтя.

Я задохнулась. Воздух застрял в трахее ледяным комом, перед глазами вспыхнула белая, ослепляющая рябь. Зубы клацнули, прикусив язык до крови, но я удержала руку на блюдце, вдавливая пальцы в серебряную кашицу, заставляя свой мозг расшифровывать поступающие сигналы.

Рисунок раскрылся перед внутренним взором.

Тонкие светящиеся линии — не мысли, не воспоминания, а чистая кинематика магического насилия.

Первый вектор: смещение нервных узлов. Жестокое, послойное вдавливание чужеродной матрицы в живые волокна спинного мозга. Дата сходилась с днем брачной церемонии десять лет назад.

Второй вектор: стабилизация контура. Замещение естественного кровотока искусственным минеральным давлением.

И третий вектор...

Я впилась ногтями правой руки в край каменного саркофага, удерживая равновесие, пока перед глазами кружилась черная бездна.

Третий вектор был направлен наружу.

В официальном акте констатации смерти стояла дата: двадцать четвертое ноября. В этот день капитул объявил, что сердце Аделлы Рон остановилось во сне.

Но серебряная соль давала совершенно иной график. Линии ритуального натяжения на срезе ткани продолжали ветвиться, усложняться и принимать внешнюю нагрузку еще как минимум четыре месяца после даты, заверенной гербовой печатью. Ткань не просто сохраняла эластичность — она функционировала. Она была частью действующего проводящего контура в декабре, в январе, в феврале.

Оболочка была снята с живого, дышащего человека за полгода до того, как этот пустой гроб запаляли в свинец и опустили в землю.

Связь оборвалась.

Я отдернула пальцы от блюдца. Рука мгновенно обвисла, потеряв всякую чувствительность от кончиков ногтей до плечевого сустава — словно мне вкололи двойную дозу концентрированного новокаина вперемешку со льдом. В висках стучала тяжелая, раскаленная кровь, по подбородку стекала струйка холодной испарины.

— Лекарка Вейр! — Верн подался вперед, испуганно всматриваясь в мое позеленевшее лицо. — Вам дурно? Прекратить процедуру?

— Пишите, Верн, — выдохнула я, упираясь здоровой правой рукой в край саркофага и заставляя голос звучать ровно, по-деловому сухо. — Пишите в графу результатов химикосоматической пробы. Посмертный рисунок подтверждает: деструкция органических волокон происходила в режиме активной передачи давления в течение ста двадцати суток после двадцать четвертого ноября.

Перо писаря замерло над пергаментом. Челюсть Верна отвисла:

— Сто двадцать суток?.. Но это... это невозможно. Свидетельство о смерти подписано двадцать четвертого...

— Это значит, что двадцать четвертого ноября Аделла Рон была соматически дееспособна, — я медленно подняла голову, глядя прямо в лицо Рейнару Торну. — Ее нервная система продолжала работать проводником. Сердце качало кровь. Акт констатации смерти, выданный храмовым целителем капитула, является заведомым материальным подлогом. В саркофаг было уложено не мертвое тело, а ритуальная оболочка, изготовленная для сокрытия продолжающейся эксплуатации субъекта.

Верн побледнел до синевы. Его пальцы мелко задрожали, перо выронило жирную чернильную кляксу на чистый лист протокола.

— Господин Хранитель... — пролепетал писарь, пятась к стене и с ужасом глядя на Торна. — Вы... вы же подписали этот акт. Ваша подпись скрепляет заключение целителя.

Рейнар не шевельнулся. Его ладонь в черной перчатке все так же тяжело лежала на рукояти клинка.

— Подписал, — произнес он.

В его голосе не было ни оправдания, ни попытки защититься. Лишь глухая, тяжелая твердость человека, который давно свyksя со своей виной и не ждет за нее снисхождения.

— Зачем, Рейнар? — я шагнула к нему вплотную, сокращая дистанцию до полушага.

Запах лампадного масла и могильной извести отступил перед его присутствием — запахом сухого кремния, железа и остывшей золы. Моя левая рука висела плетью, но я не отводила взгляда от его пепельных глаз.

— Зачем вы поставили подпись под фальшивкой? Если вы знали, что она жива?

— Потому что капитул потребовал закрыть запись, — ответил он, глядя мне прямо в переносицу. — В ту зиму начался прорыв на третьем горизонте. Разлом рвал плиты под нижними доками. Аделла уже не могла стоять на ногах: трансформация перешла на тазобедренные суставы. Если бы город узнал, что невеста превращается в камень прямо в цитадели, началась бы паника. Совет объявил ее умершей, чтобы успокоить магистрат. А храмовый целитель составил акт по прямому приказу Кадора.

— И где этот целитель сейчас? — спросила я, чувствуя, как внутри нарастает холодная, беспощадная ясность следователя. — Почему его подписи нет под более поздними отчетами?

— Он уехал из Лиорна через три дня после похорон, — ровно произнес Рейнар. — Получил пожизненный патент на южных курортах и исчез. Его искали три года назад по запросу гильдии аптекарей. Не нашли даже могилы.

— Удобная смерть для удобного свидетеля, — отрезала я. — А подпись осталась на вас. И город считает вас соучастником убийства.

— Город может считать меня кем угодно, лекарка Вейр, — его голос понизился, став почти неслышным для писаря у стены, но каждое слово падало в меня с весом свинцового груза. — Но десять лет назад этот подлог дал нам время закрепить свод и спасти шестьдесят тысяч жизней внизу. Включая вашу жизнь и жизнь вашей сестры. Закон не умеет держать камни, когда они падают на головы.

— Ложь не спасает, Хранитель. Она просто откладывает счет. И сейчас этот счет предъявили мне.

Я повернулась к писарю, оборвав разговор:

— Верн. Заканчивайте опись.

Мы вернулись к судебной рутине. За двадцать минут сняли три контрольных среза с тканевой оболочки: из подключичной зоны, с предплечья и фрагмент кристаллического заполнения грудной полости. Каждый образец я лично уложила в толстостенную стеклянную пробирку с притертой пробкой, залила консервирующим раствором спирта и фенола и запечатала свинцовой пломбой Палаты причин смерти.

Верн составил акт выемки в трех экземплярах. Поставил служебный штамп, расписался сам, протянул лист мне.

Я взяла перо правой рукой. Подпись получилась четкой, угловатой: «Иара Вейр. Старшая лекарка, судебный эксперт».

Затем лист лег перед Рейнаром.

Он подписал его не колеблясь. Тот же размашистый росчерк черными казенными чернилами: «Рейнар Торн. Хранитель рубежа. Факт вскрытия и отбора проб подтверждаю».

— По регламенту саркофаг должен быть запечатан обратно до рассвета, — пробормотал Верн, пряча опечатанные пробирки в войлочный футляр и защелкивая железные замки конторки. — Я должен доставить первый экземпляр акта председателю судебной палаты к восьми утра.

Торн молча шагнул к каменной плите, уперся плечом и с глухим скрежетом надвинул базальтовую крышку обратно на пазы саркофага. Известковая крошка брызнула из-под камня, скрывая янтарное, застывшее лицо женщины, которую город похоронил десять лет назад.

Верн торопливо навесил новые свинцовые пломбы магистрата, обжал их тигельными щипцами и подхватил конторку:

— Я закончил, госпожа Вейр. Я... я подожду у выхода с конвоем.

Писарь почти бегом бросился по узкому проходу к железным решетчатым дверям усыпальницы. Его торопливые шаги быстро затихли в каменных коридорах бастиона.

Мы остались вдвоем.

Пламя в железных площадках на стенах догорало, вытягиваясь тонкими, коптящими языками. Холод подземелья снова брал свое, пробираясь сквозь подошвы ботинок. Моя левая рука была абсолютно мертвой: пальцы не двигались, в предплечье стояла тупая, застывшая тяжесть.

Я медленно опустилась на каменную скамью у стены, доставая из кармана чистый льняной платок, чтобы вытереть пот со лба.

— Вы едва стоите на ногах, — произнес Рейнар, не двигаясь с места.

— Это цена применения дара, — ответила я, глядя на свою неподвижную руку. — Завтра к полудню чувствительность частично вернется. Но каждый раз она восстанавливается медленнее.

— Не стоило лезть так глубоко в волокна. Хватило бы поверхностного среза.

— Поверхностный срез не дал бы временной шкалы, Хранитель. Кадор разбил бы мое заключение на первом же судебном заседании, списав янтарную кожу на естественное влияние известняка. Теперь у меня есть сто двадцать суток. Сто двадцать суток доказанной жизни после официального погребения. Это не врачебная ошибка. Это уголовное преступление Совета.

Рейнар молчал. Он стоял напротив, высокий, темный силуэт на фоне сырого гранита, и я чувствовала, как между нами снова натягивается та невидимая, вибрирующая нить связи — опасная, давящая, заставляющая метку на моей руке отзываться глухими толчками.

— Вы смелая женщина, лекарка Вейр, — негромко сказал он. — Но вы не понимаете главного. Кадор не боится уголовного уложения. Он боится прорыва. И если ваше расследова-

ние поставит под удар стабильность Врат, он похоронит вас в таком же саркофаге, не дожидаясь солнцеворота.

— Пусть попробует, — я поднялась со скамьи, подхватывая саквояж правой рукой. — Завтра в полдень мой отчет ляжет на стол магистрата. А сейчас нам пора...

Я осеклась.

Слова застряли в горле.

В крипте стояла абсолютная, могильная тишина, нарушаемая лишь редким падением капель грунтовой воды в дальнем углу. Но в этой тишине вдруг родился другой звук.

Он донесся не из коридора, куда ушел писарь. Не сверху, с плаца крепости.

Он шел из глубины скалы.

Прямо за саркофагом Аделлы Рон, в каменной кладке стены, темнела узкая вертикальная отдушина — забранная ржавой железной решеткой вентиляционная шахта старого дренажного колодца, уходившая вертикально вниз, в недоступные нижние горизонты крепости.

Оттуда, из черного, пахнущего стылым камнем провала, донесся звук.

Тук.

Короткий. Четкий. С металлическим призвуком, словно кто-то ударил железной пружкой по внутренней стенке трубы.

Пауза в две секунды.

Тук.

И снова:

Тук.

Три размеренных, сознательных удара.

Они прозвучали в мертвом склепе так отчетливо, словно невидимый собеседник стоял прямо за решеткой, отделенный от нас лишь саженью дикого камня.

Я медленно повернула голову к вентиляционному каналу. Сердце в груди пропустило удар, а затем заколотилось с утроенной силой, отдаваясь глухим гулом в висках.

Три удара.

Тот самый сигнал, которым дозорные гарнизона подтверждали прием позывного в переговорных трубах цитадели. Сигнал, означавший: «Я слышу. Я здесь».

Я посмотрела на Рейнара.

Хранитель не шевелился. Но его лицо стало белым, как погребальный саван в раскрытом гробу. Его пальцы на рукояти палаша сжались с такой сокрушительной силой, что кованая кожа перчатки затрещала по швам, а челюсти затвердели, превратившись в два выступающих желвака.

По тому, как побелело его лицо, я поняла: этот звук ему знаком. Значит, он уже слышал, как кто-то стучит из бездны в ответ на имя мертвой женщины.

Глава 5

К утру девятнадцатого дня мороз в лазарете цитадели сделался плотным, осязаемым. Камфора и карболовая кислота не перебивали запаха стылой могильной извести. Он не опускался с потолка и не просачивался сквозь узкие стрельчатые окна, затянутые слюдяными пластинами. Он поднимался прямо из плит пола — тупой, неподвижный, пахнущий многовековым базальтом и глубокой бездной.

Я сидела за длинным рабочим верстаком прозекторской, зажав левую кисть между бедер, и терпеливо ждала, пока сухожилия перестанут сопротивляться. Бесполезно: онемение не было обычным следствием сквозняка. Оно сидело глубоко в надкостнице лучевой кости, там, где вчера в полночь серебряная соль вступила в контакт с ритуальным срезом. Тонкие черные нити метки под эластичным бинтом налились фиолетовой тяжестью, вытягиваясь к локтю жесткими, шершавыми жилами. Любая попытка пошевелить большим пальцем отзывалась в плечевом сплетении сухой, режущей болью.

На деревянной сосновой подставке перед моим правым локтем стояли три толстостенных цилиндра.

Свинцовые пломбы Палаты причин смерти с моим личным оттиском держали притертые пробки намертво. Внутри, залитые консервирующим феноловым раствором, плавали три фрагмента Аделлы Рон. Полоска янтарной кожи из-под ключицы, срез минерализованной мышечной ткани и скол черного волокна из грудной полости. В сером свете занимающегося утра скол казался куском дорожного битума, но стоило мне наклонить голову, как внутри темного кристалла просыпались медленные, тягучие фиолетовые искры.

Помощник аптекаря Михель, приземистый рябой парень в холщовом нарукавнике, которого капитан Тарен приставил ко мне для поручений, методично растирал в чугунной ступке куски сухой щелочи. Пестик глухо, монотонно бил о металл: раз, два, три.

Этот ритм неотвратимо возвращал меня в ночной склеп.

Тук. Тук. Тук.

Три размеренных удара из черной вентиляционной шахты за раскрытым саркофагом. Сигнал гарнизонного позыва. Живой ответ из горизонта, где по официальным отчетам магистрата находились лишь замурованные фундаменты первой крепости.

Я смотрела на свои записи в раскрытом журнале. Чернила сохли медленно: воздух в комнате был перенасыщен влагой и сухим озоном. Сто двадцать суток. Четыре месяца активной жизни тканей после того, как Совет Врат объявил последнюю невесту умершей во сне. Фальшивое свидетельство. Подпись храмового лекаря и росчерк Рейнара Торна. Каждая улика, которую я вытаскивала на свет, превращала трагедию в спланированное государственное преступление.

— Лекарка Вейр, — Михель остановил пестик и шумно втянул носом воздух. — Слышите?

Я подняла голову.

Трубы из черного стекла, опоясывавшие прозекторскую под самым карнизом, вели себя не так, как вчера. Обычно они издавали ровный, низкий гул, похожий на вибрацию массивного органного регистра. Сейчас этот бас сорвался. По стеклу пробегал сухой, шелестящий треск — звук, с каким тонкий речной лед лопается под весом груженной телеги. По поверхности темных трубок волнами перекатывалось тусклое, сизое свечение.

В воздухе мгновенно запахло жженым пером и паленой медью. Тонкие волоски на моем предплечье встали дыбом.

— Отойди к выходу, Михель, — негромко, ровным голосом приказала я, поднимаясь из-за стола. — Возьми журнал входящих проб со стойки и стань в дверном проеме. Ручку держи нажатой.

Парень побледнел, бросил пестик и торопливо сгреб тяжелую амбарную книгу в кожаном переплете.

В ту же секунду метка под бинтом на моей левой руке не просто заныла — она ударила в кость раскаленной иглой.

Боль была направленной, механической. Она не расползлась по телу: невидимая струна натянулась между моим запястьем и углом помещения, где сходились три магистральные стеклянные трубы. Кисть потянуло вверх с такой силой, что связки в плече взвыли от напряжения. Врата не просто прощупывали цитадель — они искали зарегистрированное имя. Кровь, оставленная мной в Главной книге двадцать часов назад, звенела в резонансе с разломом, как натянутый медный трос.

Над распределительным фланцем под потолком раздался сухой щелчок.

Толстостенная труба черного стекла треснула. Белая зигзагообразная щель рассекла полированную поверхность, и из нее не повалил дым.

Вниз потекла тяжелая, вязкая смола. Она падала на сосновые доски стола бесшумными, маслянистыми каплями, которые тут же расползались в стороны, выжигая древесину до белого пепла.

Порожнее.

Слепая, лишенная формы протоплазма из-за закрытого створа. Мелкие твари разлома не имели ни костей, ни глаз, ни легких: они не могли жить в плотном воздухе города дольше четверти часа, распадаясь на ядовитую соль. Но внутри крепости, напитанные утечкой из магистрали, они обладали чудовищной плотностью.

Черная жижа на столе вздулась, поднялась на дыбы, формируя бесформенный, пульсирующий ком размером с собачью голову. Она не издавала рычания. Единственным звуком было влажное, жадное чавканье, с каким неорганическая ткань втягивала в себя воздух, пробуя пространство на вкус. И этот ком неумолимо, толчками, поворачивался в мою сторону, ориентируясь на стук моего пульса и жар кровной метки.

— Ложись! — раздалось от порога.

Дверь прозекторской не просто открылась — тяжелая дубовая створка с грохотом ударилась о каменную стену, сбив с петель известковую штукатурку.

Рейнар Торн перешагнул порог единым, стелющимся движением хищника. Без мундира, в одной серой нательной сорочке с завязанным воротом, без перевязи. В его правой руке тускло поблескивал прямой пехотный палаш. Левая рука была обнажена до локтя, и прямо под бледной кожей предплечья яростно, пульсирующими толчками горел чернильно-черный рисунок корневой связи.

Он перехватил меня за здоровое правое плечо, рванув назад с сокрушительной силой, выдергивая из сектора атаки. Деревянный табурет с сухим треском отлетел к стене.

— В коридор! — рявкнул он, заслоня меня широкой спиной. — К караулу! Блокируйте нижний ярус!

Порожнее среагировало мгновенно. Черная масса взметнулась над столом, вытягиваясь в плотный, хлещущий жгут, и с глухим шипением ударила в клинок Хранителя.

Сталь палаша зазвенела на высокой, вибрирующей ноте. Металл в месте контакта не заискрился — он мгновенно покрылся коркой матового сизого инея. Торна отбросило на шаг назад, каблуки его сапог со скрежетом прочертили известковые плиты пола, но запястье не дрогнуло.

— Уходи, Иара! — сквозь зубы выдохнул он. Жилы на его висках надулись черными узлами. — Оно идет на твой след! Если оно замкнет контур на твоём теле, ты сторишь раньше, чем я рассеку сгусток!

— Не смей бить в середину! — крикнула я, перехватив его локоть здоровой рукой. Пальцы впились в мокрое от пота сукно его жилета.

Страх не было. Включилась та же холодная, расчетливая оптика, которая вела мой скальпель во время вскрытий в зачумленных бараках.

— Смотри на трубу! — я ткнула пальцем вверх, не обращая внимания на боль в собственном плече. — Это не прорыв пласта! Трещина идет строго по спайке крепежного фланца! Если ты разрубишь тело твари здесь, ударная волна разнесет истонченное стекло, и сюда хлынет весь стояк с нижнего горизонта! Мы оба останемся под завалом!

Рейнар замер на долю секунды. Взгляд его пепельных глаз метнулся от пульсирующего черного сгустка к потолку, оценивая геометрию излома.

По его взгляду я поняла: объяснять дальше не нужно.

— Вентиль! — крикнул он, смещаясь влево, уводя удар твари от лабораторных полок. — Где отсечка?

— Угловая муфта над дверным откосом! — ответила я, подхватывая с пола тяжелый латунный штангенциркуль — единственное тяжелое железо, до которого дотянулась правая рука. — Перекрывай подачу, я отвлеку вектор!

— Стоять на месте! — прорывал он.

Хранитель не стал делать шаг назад к выходу. Он бросился прямо под нависающую массу порожного, подставляя собственное плечо под ледяной ядовитый выброс.

Тварь ударила ему в спину.

Звук был тяжелым, тошнотворным — словно пласт сырой глины на полном ходу впечатался в кирпичную кладку. Серая сорочка на спине Торна мгновенно вспыхнула бездымным, фосфорическим огнем. Запахло паленой плотью, жженым волосом и едкой химической гарью.

Рейнар не вскрикнул. Из его горла вырвался лишь глухой, хриплый рык. Мышцы на его шее одеревенели, корневая связь вспухла под кожей багровыми радиальными трещинами, но он выбросил левую руку вверх, хватаясь голой ладонью за заклинивший чугунный маховик отсекаателя.

Металл зашипел под его кожей. Торн не крутил вентиль силой мышц — он вдавил в него остаток своей ритуальной связи, пережигая запорный механизм изнутри.

Маховик повернулся со скрежетом.

Стеклянная труба под потолком захлебнулась, темный поток внутри иссяк, оставляя за собой лишь серую известковую пленку. Порожнее на спине Рейнара забилося, теряя подпитку из магистрали, его границы поплыли, превращаясь в бесформенные хлопья липкой сажи.

— Нижняя скоба! — крикнула я, делая шаг вперед. — Руби основание, Торн!

Он развернулся на одном каблуке.

Лицо Хранителя было белым, как мел, с провалившимися висками и серыми губами, но движение клинка оставалось безупречно точным. Короткий, тяжелый выпад. Острие палаша вошло точно в медную крепежную скобу под лопнувшим стеклом — в точку максимального напряжения металла.

Контур замкнулся.

Звук лопнувшей скобы был похож на пистолетный выстрел. Воздушная волна выбила остатки слюды из оконного переплета, осыпав нас ледяной крошкой. Черная масса порожного вздрогнула, вспучилась мутными пузырями и с сухим, затухающим свистом рассыпалась в серый, безжизненный пепел, усеявший пол вокруг верстака.

В прозекторской повисла мертвая, оглушающая тишина.

Ее нарушал лишь drobный стук: Михель в дверях все так же колотился затылком о косяк, прижимая журнал к груди обеими руками.

Рейнар стоял неподвижно еще три секунды. Затем палаш с глухим звоном выпал из его разжавшихся пальцев, ударившись о камень. Мужчина покачнулся и тяжело, всем весом осел на колени посреди битого стекла и серой пыли, уперев лоб в край деревянной столешницы.

С его правой руки, посеченной осколками, на пол мерно падала густая, темно-вишневая кровь.

Я перевела дыхание. Левая рука больше не помогала — онемение после прямого контакта с давлением перешло на грудную мышцу, но правая половина тела подчинялась воле безотказно.

— Михель, — позвала я. Голос прозвучал хрипло, но твердо. — Журнал цел?

— Цел... лекарка, цел, — пролепетал парень, с трудом отлепляясь от косяка.

— Стой на пороге. Не наступай на серую пыль. Принеси из аптечного шкафа корпию, карболовый спирт, шелковую дратву и дуговую иглу. И ведро чистой снеговой воды. Быстро.

Я подошла к столу.

Один из цилиндров — тот, в котором лежал срез восковой кожи, — был сбит ударной волной и разбился о край. Осколки толстого стекла перемешались с консервантом, образец превратился в серую бесформенную кашицу. Но два других — глубокий срез мышечной ткани и кристаллический стержень из груди Аделлы — уцелели. Они лежали в деревянной подставке целыми. Главные вещественные доказательства были спасены.

Я обошла верстак и опустилась на колени перед Рейнаром.

— Торн. Поднимите голову.

Он медленно выпрямился. В его пепельных глазах еще тлели угли той слепой ярости, которую давал разлом, но зрачки уже сузились, фиксируя мое лицо. Челюсти были сжаты так, что кожа на скулах натянулась до прозрачности.

— Живы? — выдавил он. Каждое слово давалось ему с усилием, будто в гортань насыпали битого кремня.

— Жива, — я положила здоровую ладонь на его неповрежденное левое плечо, ощущая сквозь ткань сорочки мелкую, судорожную дрожь перегруженных мышц. — Чего нельзя сказать о вас. Садитесь на пол. Спиной к ножке стола.

Он попытался опереться на ладонь:

— В цитадели бывали ранения...

— Сядьте, Хранитель, — мой голос опустился до той сухой, безжалостной интонации, с которой я осаживала пьяных санитаров в морге. — Если вы рухнете лицом в осколки от болевого шока, я не стану тратить силы на подъем сорока пудов живого веса. Я буду шить вас прямо на полу. Без опийной настойки.

На мгновение в глубине его выгоревших глаз мелькнуло нечто человеческое — тень скупой, жесткой усмешки. Он подчинился. Медленно опустился на плиты, привалившись лопатками к массивной ножке верстака, и вытянул правую руку.

Я достала из кармана рабочего фартука портновские ножницы и одним точным, длинным движением разрезала рукав его сорочки от манжеты до плечевого шва.

Картина открылась тяжелая.

Внутренняя поверхность предплечья — от запястья до локтевого сгиба — представляла собой сплошной глубокий ожог третьей степени. Но это не был след обычного огня. Эпидермис обуглился, сделавшись черным, стекловидным, испещренным сеткой мелких, сочащихся трещин. Кожа напоминала пережженную керамическую глазурь. Ткань лопнула до самой мышечной фасции, и сквозь разрывы сочилась не алая капиллярная кровь, а густая, темная сукровица.

Прямое воздействие сырой энергии разлома. Та самая цена, которую Хранитель платил за каждый удержанный прорыв.

Михель неслышно подошел сбоку, поставил на пол таз с водой и выложил на салфетку флаконы и моток стерильной нити.

— Свободен, — бросила я парню, не глядя. — Сядь в коридоре. Никого не впускать, пока я не закончу.

Дверь притворилась.

Я взяла ватный тампон, щедро смочила его карболовым спиртом и посмотрела Рейнару в глаза:

— Будет жечь.

— Начинайте, — отозвался он.

Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он не отвел взгляда.

Я прижала тампон к обожженной ткани.

Спирт зашипел, смывая сукровицу и частицы пепла. Кожа под моими пальцами была неестественно, опасно горячей — словно под ней тек кипящий свинец. Я обхватила его запястье здоровой правой рукой, фиксируя лучевой сустав. Пульс под подушечками моих пальцев молотил с бешеной частотой — сто сорок ударов в минуту, тяжелый, жесткий, сотрясающий сухожилия. Но сама рука лежала неподвижно, подчиненная железному контролю.

В медицине нет места стыду или неловкости. Пальцы хирурга работают с плотью механически: фасция, сосуд, край раны, глубина поражения.

Но здесь, в полумраке разгромленного лазарета, эта граница затрещала.

Мы сидели на полу в полушаге друг от друга. Воздух между нами был пропитан запахом карболки, паленой шерсти и тем плотным, сухим мужским жаром, который исходил от его обнаженного плеча. Торн не смотрел на ланцет, которым я осторожно, миллиметр за миллиметром, иссекала омертвевшие лоскуты черной кожи.

Он смотрел на меня.

Его пепельные глаза были прикованы к моему лицу — к темным кругам под глазами, к пряди волос, выбившейся из узла и упавшей на щеку, к тому, как тяжело и прерывисто поднималась моя грудь под форменным сукном платья.

— Почему вы не побежали, Иара? — спросил он тихо. В его низком голосе прорезалась непривычная, обнаженная хрипота. — Когда трубу сорвало. Вы должны были выйти за бронированную дверь.

— Чтобы вы остались здесь один на один со свищом? — я прижала салфетку с масляным бальзамом к кровоточащему мясу, заставляя себя не отводить взгляда. — Или чтобы порожнее уничтожило образцы тканей Аделлы Рон?

— К черту ткани, — глухо выдохнул он, и его пальцы на здоровой руке сжались в кулак. — Если бы оно добралось до вашего предплечья, контур замкнулся бы прямо в этой комнате. Метка сожрала бы ваше сердце за пять минут. Вы понимаете, чем рисковали?

— Я понимаю структуру рисков лучше, чем вам кажется, Хранитель, — я взяла иглу с заправленной шелковой нитью. — Дышите глубже. Первый шов.

Сталь проколола край разорванной фасции.

Торн лишь шумно втянул воздух сквозь зубы, но его тело даже не качнулось. Я накладывала узлы быстро, экономными, точными движениями. Стежок, перехват, узел.

— Вы рисковали не меньше, — произнесла я, стягивая края раны. — Зачем было принимать удар на спину? Вы могли перерубить контур на расстоянии.

— Не мог, — ответил он, и его взгляд стал тяжелым, почти давящим. — На расстоянии удар снес бы вас вместе со столом. Моя задача — держать рубеж.

— Ваша задача — беречь себя для города, Торн. Так написано в хартии.

— Хартию писали мертвецы, лекарка, — он чуть наклонил голову, и его дыхание коснулось моего виска. — А умирать здесь приходится живым.

Я закончила накладывать последний, седьмой шов, срезала нить ножницами и наложила широкую давящую повязку из беленого холста. Движения были автоматическими, но внутри все вибрировало от странного, опасного напряжения. Доверием это еще не было — между

нами лежали годы лжи и закрытые гробы прежних невест. Но одно я уже знала: в критическую секунду он не отступит за мою спину, а я не брошу скальпель.

Я поднялась с колен, вытерла руки чистой салфеткой и оправила платье.

— Рану не мочить двое суток, — сухо продиктовала я инструкцию. — Завтра утром смена повязки. Если появится лихорадка — звать меня немедленно.

Рейнар поднялся следом. Медленно, держа поврежденную руку на весу, но встал прочно, расправив плечи. Его бледность никуда не ушла, но в осанке снова проступила та монолитная, нечеловеческая собранность, с которой он встретил меня на площади у Дома Реестра.

Я отошла к дальнему углу прозекторской, где на полу среди серого пепла лежал массивный металлический обломок лопнувшего крепежа.

Тяжелая литая скоба, вырванная из потолочной балки. К ней все еще намертво прикипел кусок толстого черного стекла — изогнутый фланец толщиной в три пальца.

Я подняла обломок салфеткой, стараясь не касаться острой грани. Стекло было странным: на срезе оно не имело той однородной базальтовой плотности, которой отличались оборонные конструкции цитадели. Внутри застывшей массы виднелись крошечные, округлые каверны — воздушные пузыри, свидетельствовавшие о грубейшем нарушении температурного режима при отжиге.

Я поднесла осколок к свету, падающему из разбитого окна, и стерла пальцем слой копоти с плоской грани соединительного ушка.

Там темнело клеймо.

Не герб Военного капитула. Не номер государственной литейной мастерской крепости.

На стекле был выдавлен четкий, глубокий оттиск: зубчатое заводское колесо, внутри которого перекрещивались два тигля с капаящим расплавом.

Фирменный знак Чёрной мануфактуры Лиорна.

То самое предприятие в нижних кварталах, которое по официальным реестрам городского совета занималось исключительно вытяжкой бытовых осветительных трубок и дешевых отопительных радиаторов для доходных домов. Предприятие, которому по статуту безопасности было строжайше запрещено поставлять материалы для оборонных контуров Верхней крепости.

Я медленно повернулась к Рейнару, держа осколок на раскрытой ладони.

Хранитель подошел ближе. Его взгляд упал на шестеренку в стекле, и лицо Торна застыло, превратившись в глухую, каменную маску. Под кожей на его скулах резко напряглись мышцы.

— Вы знаете это клеймо, Хранитель? — спросила я, и мой голос прозвучал в пустой комнате тихо и отчетливо.

— Знаю, — ответил он.

В его голосе зазвучал тот самый холод, от которого трескался гранит под могильными плитами.

— Три года назад Совет провел через согласительную палату акт о плановом ремонте внутренних магистралей, — продолжил он, глядя на стекло. — Кадор заявил, что армейские литейные не справляются с объемами, а Чёрная мануфактура предложила поставку труб по заниженной смете. Он лично заверил сертификаты прочности.

— Кадор не экономил городскую казну, Рейнар, — я сжала пальцы на осколке. — Чёрная мануфактура плавит стекло на сырье разлома. И эти трубы поставили сюда не для защиты. Их поставили, чтобы качать давление из алтарных камер напрямую в фабричные печи Нижнего города.

Я сделала шаг к нему, заглядывая в темные зрачки:

— Женщины внизу гибнут не потому, что Врата требуют их жизней. За год их доводят до состояния, которое город принимает за смерть, потому что Совет высасывает из их тел энергию для фабричных станков. И мы только что нашли первую прямую трубу.

Глава 6

Застегнуть манжету правой рукой на левом запястье оказалось задачей на десять минут.

Пальцы левой руки почти не слушались. Они напоминали отмороженную на январском ветру сыромятную кожу: плотные, негнущиеся, с тупым серым онемением в подушечках. Когда я пыталась протолкнуть костяную пуговицу в узкую прорезь плотного сукна, связки большого пальца отвечали сухим, деревянным сопротивлением. Пуговица дважды выскальзывала. Пришлось зажать край рукава зубами, прижать ткань к бедру и с силой протолкнуть кость здоровыми пальцами правой руки.

Двадцать ударов сердца ушло на то, чтобы дыхание выровнялось.

Утро восемнадцатого дня встретило крепость сухим, замороженным безмолвием. Метель улеглась еще до рассвета. Сквозь толстые слюдяные пластины окна пробивался мутный, желтоватый свет: над Верхним утесом висело низкое серое небо, а дым из плавильных печей Нижнего города стелился по скалам тяжелым, неподвижным пластом. В комнате пахло остывшей золой камина, камфорной мазью и сургучом.

На дубовом столе лежало законченное письмо Селии.

Четыре страницы плотной гербовой бумаги магистрата. Никаких семейных жалоб, никаких слез. Только сухой, точный перечень инструкций: не покидать архивного крыла Палаты причин смерти, проверять целостность сургучных печатей на служебных депешах и поднять старые землемерные книги за сороковой год прошлого века — время, когда город перестраивал водовод вокруг крепостного холма.

Я зажгла от масляной лампы огарок сальной свечи, накапала темно-коричневого сургуча на стык сложенного листа и прижала латунный перстень-печатку с эмблемой прозекторской коллегии.

В этот момент за дверью послышались шаги.

Не тяжелая, размеренная поступь Торна и не четкий армейский шаг патрульных Тарена. Шаги были торопливыми, мягкими, шаркающими по шерстяному войлоку галереи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.